

ВАДИМ ПАНОВ И ДРУГИЕ

НЕПОСТИЖИМАЯ КОНЦЕПЦИЯ

АНКЛАВЫ

Анклавы

Вадим Панов

Непостижимая концепция

«Автор»

«Автор»

«ЭКСМО»

2013

Панов В. Ю.

Непостижимая концепция / В. Ю. Панов — «Автор», «Автор», «Эксмо», 2013 — (Анклавы)

ISBN 978-5-699-64826-9

Прошло всего четыре года со Дня Беды, когда высокоэнергетическое Копье пронзило нашу планету насквозь, вызвав ужасающую Катастрофу. Мир изменился до неузнаваемости, а люди... Люди вынуждены были приспособиться. Ведь человек – самая живучая тварь во Вселенной... Фабрику по производству пищевых брикетов в народе называли просто – Жрать, а ее лидера – Химиком. Химик верил только в Аллаха, голодающим раздавал свою продукцию бесплатно, а против тех, кто отнюдь не голодал, но не прочь был разжиться брикетами на дармовщинку, держал на крыше пулеметы – самые настоящие наукомовские «молотки»... Вадим Панов, Андрей Фролов, Александр Золотко и другие в уникальном сборнике, продолжающем и развивающем мир «Анклавов Вадима Панова»!

ISBN 978-5-699-64826-9

© Панов В. Ю., 2013

© Автор, 2013

© Автор, 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Вадим Панов	5
Часть 1	5
Часть 2	23
Андрей Фролов	36
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Вадим Панов и другие Непостижимая концепция (сборник)

Вадим Панов Непостижимая концепция

Часть 1 Химик

– Раньше, до Дня Беды, жизнь была иной.

– Спокойной? – не удержался Бергер. Понимал, что совершает ошибку, прерывая Химику на полуслове, но не удержался. Уж больно размеренно и медленно текла речь фабричного лидера, вот и не удержался. – Сытой? Тихой?

– Правильной, – веско объяснил Химик, и парочка здоровяков за его спиной согласно закивала круглыми лысыми головами. Не быстро закивала, но веско, словно подтверждая, что за миг до этого прозвучало великое откровение.

Здоровяки присутствовали при разговоре для ритуала: не мог фабричный лидер, серьезный и авторитетный человек, якшаться с прохожим без охраны, права не имел. Звуков здоровяки не издавали, и, кто из них Ача, а кто Вача, Бергер так и не выяснил. Знал только, что тот, который слева, вяжет узлами металлические прутья. Второй выглядел еще внушительнее.

Только кожа подкачала: кожа у всех фабричных была серой, словно пылью припорошенной, и морщинки на ней казались черными, словно тушью нарисованными. Кожа фабричных навевала мысль о химической аварии.

– Извините, что перебил, – проворчал Бергер, отвечая на укоризненный взгляд Химики. – Больше не повторится.

И зачеркал в блокноте, продолжая стенографировать рассказ лидера.

– Жизнь до Дня Беды была правильной. – Химик чуть качнулся назад и провел крупными ладонями по бедрам. Взгляд его вновь стал рассеянным. – Все было упорядочено, все вершилось согласно древним законам, соблюдение которых и есть основа мира.

Крупными у фабричного лидера удались только ладони да голова – внушительная безволосая тыква с большими ушами и весомым носом. Остальное вызывало усмешку: тельце худенькое, плечи узенькие, ручки и ножки тоненькие – задохлик. Но держался Химик со спокойной уверенностью человека, за которым всегда остается последнее слово. И старый шрам, идущий по правой щеке от скулы до рта, не казался чужеродным и придавал образу законченность, делал лицо жестким.

Хоть и было оно серым, словно пылью припорошенным.

– Земля относится к мирам Срединным, мирам людей, где Время имеет смысл, потому что все мы здесь – гости, а точнее – дети. Мы знали богов, которые ждут нас наверху, и творили много зла в их честь; мы были жестоки, но боги прощали нас, потому что, когда Время имеет смысл, люди торопятся выбрать простое решение. Люди боятся Времени...

– ...а Время боится Пирамид, – машинально закончил Бергер.

Ойкнул, испуганно глядя на Химику, но тот понял, что молодой человек высказался неосознанно, просто въелась в его память старинная пословица. Понял, улыбнулся и спокойно продолжил:

– Люди боятся Времени и всегда мечтали победить его здесь, в Срединном мире, не понимая, что тем нарушат закон. Страх сильнее разума. – Химик прикрыл серые глаза, старые, очень усталые глаза, и Бергер неожиданно почувствовал облегчение. Взгляд фабричного лидера давил, даже когда он смотрел в сторону, например на огонь. – Люди думали, что воюют со страхом, но в действительности пытались сломать закон.

– Закон Времени?

– Закон Мира.

Разговор, несмотря на дневное время, шел у костра, который развели во дворе Фабрики Ача с Вачей; развели, потому что Химик, как успел понять Бергер, был большим любителем открытого огня. Впрочем, последние дни выдались зябкими, и лишнее тепло не мешало.

Фабрикой (то есть как положено) шесть стоящих недалеко от леса корпусов называл только Бергер, а вот местные – жители лежащего в трех верстах поселка – звали логово Химики просто: Жрать.

– Мы отказываемся понять, что миром правят простые законы, в основе которых лежит элементарная логика: каждому отведено свое Царство, и поэтому богам нет хода в Срединный мир, так же, как мертвым. Каждый должен прожить свое Время, а потом совершить путешествие по Великому Древу. Законы просты, а потому неколебимы. Снаружи неколебимы, но не изнутри.

Химик кинул в костер ветку, и пламя бросило на его лицо отблеск, резко выделив шрам. Получилось жестко.

– Каждый мир доверчив к своим обитателям, силен ими и перед ними беззащитен. Могучий колдун этого не знал, он просто хотел все изменить...

– Колдун? – переспросил Федор. Он уловил изменившийся тон и понял, что теперь вопросы разрешены.

– Очень сильный.

– Мертвый?

– Зачем мертвый? – удивился фабричный лидер. – Живой.

– Я слышал сказки, в которых колдуном называют Мертвого, – уточнил Бергер.

– Это какого же?

– Который виновен в Дне Беды.

– Мертвый заслужил, – помолчав, признал Химик. – Но моя история не о Дне Беды, а о законах мира.

– Люди говорят, что Мертвый убил мир, – тут же забросил удочку Федор, чем вызвал еще одну паузу.

– Местные люди? – осведомился Химик, протягивая к огню серые руки.

– Нет, липчане.

– Эти – могут сказать, – улыбнулся фабричный. – Но ведь ты хотел послушать мою историю, а не рассказы липчан, так?

– Так.

– Тогда слушай.

Тон погрубел, и молодому человеку оставалось одно:

– Извините.

Бергер действительно хотел слушать, для того и пришел, вот и повинился.

– Колдун, о котором рассказываю сказку я, был очень силен. Он мечтал изменить мир, не понимая, что тем убивает его. Он создал запретную душу...

– Как это?

На этот раз вопрос раздражения не вызвал: Химик его ждал. Скупое усмехнулся и заинтересовался в ответ:

– Что есть человек без души?

– Человека без души нет, – уверенно ответил Федор.

– Потому что таков закон Срединного мира, – подтвердил фабричный лидер. – Другой закон: пускаясь в дальнейшие странствия, человек оставляет тело в Срединном мире. Третий закон: в Срединном мире Время течет. – Пауза. – Колдун покусился на все эти законы.

Полная тишина – верный признак того, что слушатели полностью поглощены рассказом.

– Колдун научился отделять души, помещать их в нелепый зиккурат и так оставлять в Срединном мире. Лишая тела и отнимая Время. В гордыне своей колдун считал, что дарит людям бессмертие.

– Какому богу он поклонялся?

– Он сам хотел стать богом.

– И таким образом бросил им вызов?

Вопрос вызвал у Химика снисходительную улыбку.

– Как можно бросить вызов тем, кого неспособен превзойти?

– Но люди решили, что колдуну удалось, и пошли за ним, – догадался Федор.

– Человек слаб. Трудно устоять, когда предлагают вечную жизнь.

– В плену зиккурата? Лишившись тела в самом материальном из миров? Потеряв ощущения и чувства?

– Не испытывая боли и голода, не зная принуждения и смерти, отменив смысл Времени, – предъявил свои аргументы Химик.

– То есть колдун творил добро?

И фабричный лидер, к немалому удивлению Бергера, осекся. Впервые за весь разговор, за все их короткое трехчасовое знакомство. Вопрос сбил Химика, и Федор попытался развить тему:

– Если колдун дарил людям покой, он дарил им добро. Так?

– Но разрушал мир. – Фабричный лидер с трудом подыскал аргумент.

– Что есть мир без людей? Что есть мир, наполненный несчастными, озлобленными людьми?

Федор понял, что ему удалось чуть-чуть разжать створки раковины, в которой прятался Химик, и он продолжил напирать. Но фабричный лидер уже пришел в себя.

– Человек слаб, Бергер, человек страшится перехода и хочет невозможного. Иногда он принимает покой за счастье, а добро... – И снова пауза. – Человек не думает, что некоторые законы менять нельзя, человек эгоистичен.

И снова – правда. Не жестокая, но жесткая. Правда о людях. О том, какие они.

– Тот зиккурат был сетью? – уточнил Федор. Он решил ненадолго отступить.

Химик улыбнулся, но не ответил. Продолжил рассказ:

– Вот тогда-то, увидев нарушение Закона, боги рассердились и вонзили в Землю копьё.

– Чтобы уничтожить колдуна?

– Чтобы спасти Срединный мир.

Финал получился скомканным, однако Бергер все равно остался доволен: именно такого объяснения Катастрофы в его коллекции еще не было. Как правило, жители дичающих общин – а Шамильский улус был именно таким – объясняли случившуюся четыре года назад Катастрофу проще: пробуждение древних монстров, кара небесная, столкновение с сонмом демонов. Химик же не только изложил ясную причину катаклизма, но и увязал ее с продуманной космогонией.

– Вы действительно верите в это?

– Я? – Фабричный лидер рассмеялся, как закаркал, но выцветшие его глаза остались холодными. – Ты просил сказку, путник, ты ее получил. – Он поднялся на ноги. – Я же верю только в Аллаха, великого и милосердного.

Возвращение в реальность оказалось настолько стремительным, что Бергер совершенно растерялся: он не понял, что заставило Химика так резко свернуть разговор. И лишь через несколько секунд расслышал гул моторов: к Фабрике подъехала колонна потрепанных мобилей защитного цвета.

* * *

Два из шести зданий Фабрики являлись производственными цехами; их вытянутые, лишенные окон коробки параллельно тянулись по длинной западной стороне, прикрывая обитателей Жрать от леса. Или же закрывая обитателям Жрать обзор на лес: тут уж как посмотреть. Впрочем, как ни смотри, а две пулеметные точки на крыше крайнего цеха присутствовали, и стояли на них самые настоящие «молотки» от «Науком».

Южными воротами оба цеха едва не втыкались в квадратное и высокое хранилище исходного сырья, а северные упирались в склад готовой продукции, который почти всегда пустовал – Химик не рисковал держать на Фабрике запасы дорогостоящего пищевого концентрата. В дальнем восточном углу стояла бойлерная, именно к ней шли электрические кабели от остальных построек. А прямо у главных ворот размещалось здание администрации, ставшее для обитателей Жрать жилым. И именно у администрации бросил якорь караван Расул-бека. Не весь, конечно: грузовики дотарахтели до склада, где встали под погрузку, а вот все четыре внедорожника, защищенные тонкой противопульной броней – другую элетромобили не утянули бы, – припарковались неподалеку от кострища. Боевики рассредоточились по двору, мрачно озирая спокойных обитателей Фабрики – к Аче и Ваче подтянулись еще шестеро, правда, безоружные, – а главный гость подошел к Химику и после приветствия осведомился:

– Голодранцев кормить не надоело?

Вопрос был обязательной частью ритуала встречи: Расул-бек выражал легкое недоумение принципиальной позицией фабричного лидера, бесплатно раздававшего до половины производимого концентрата. Хозяин Шамильского улуса не мог ничего изменить, но не забывал напомнить, что он против.

– Они без меня передохнут, – стандартно ответил Химик.

– Лентяев плодишь.

– Ты сам в это не веришь.

На довольствие фабричный лидер брал только тех, кому и в самом деле приходилось туго, и прекращал помогать, когда люди становились на ноги.

– Товара достаточно? – перешел к делу Расул-бек. – Мне много надо.

– Грузовики забьем под завязку, – пообещал Химик.

– Это хорошо. – Шамильский хозяин зевнул, в последний момент прикрыв разинутую пасть ладонью, и очень тихо сообщил: – В столице еще одна фабрика накрылась, когда починят – неизвестно.

– Я тебя предупреждал, что нельзя технарей в рабство обращать, – хмыкнул фабричный лидер.

– Свободным имеет право быть только воин, – без особой убежденности ответил Расул-бек.

– Конечно. – Химик потер пальцы, словно сомневаясь, стоит ли задавать следующий вопрос, но не удержался: – Ты нашел Тару?

И получил чрезвычайно быстрый ответ:

– Нет.

Такой быстрый, каким может быть только лживый ответ.

– Когда найдешь, не слушай ее – сразу вези ко мне. Она опасна.

– Я помню уговор, – мотнул головой Расул-бек и резко повернулся к Бергеру. – Ты кто такой?

Смена темы произошла с изумительной неуклюжестью, однако Химик сделал вид, что его все устраивает; продолжать разговор насчет Тары фабричный лидер не стал, и Федору пришлось отвечать.

– Этнограф, – угрюмо буркнул Бергер.

Он впервые увидел хозяина улуса в анфас и с удивлением отметил, что правую щеку Расул-бека рвет старый шрам, резко идущий от скулы до рта. Шрам не казался чужеродным на лице боевика, он придавал образу законченность, казалось, Расул-бек рожден с ним.

Так же, как Химик.

– Этнограф – это как? – осведомился тем временем шамильский хозяин.

– Как видишь: две руки, две ноги, одна голова.

– Умный?

– Не дурак.

– Он в обед из леса вышел, – сообщил Химик, задумчиво разглядывая кострище, над которым умирали последние струйки дыма. – Говорит, через Баляль прошел.

– И ты его пустил?

– Мне стало интересно.

– Что?

– То, чем он занимается.

– А чем... – Расул-бек сообразил, что, задавая вопрос Химику, он теряет лицо, резко оборвал фразу, повернулся к Бергеру и выплюнул: – Чем занимаешься?

– Собираю сказки.

Увлеченный беседой этнограф не заметил подошедшего сзади бойца, а потому жестокий удар в голову стал для него полной неожиданностью.

«Козел!»

«Не уважаешь, мразь!»

«Только не убейте!»

Вопли и последующие пинки слились для Бергера в один неприятный процесс. К счастью, довольно кратковременный: меньше чем через минуту упавшего на землю ученого грубо вернули в положение «Стоять», встряхнули, помогая избавиться от шума в голове, и Расул-бек продолжил интервью:

– Зачем тебе сказки?

Судя по всему, во время экзекуции Химик вкратце объяснил любознательному хозяину улуса, чем занимаются этнографы.

– После Катастрофы новые появились, – сипло объяснил Бергер, наблюдая за тем, как подручные Расул-бека потрошат его рюкзак. – Знать их надо.

– Зачем?

– Затем, чтобы жить дальше.

– Чтобы жить – жрать надо, понял?

– Вам виднее.

– Вот именно. – Расул-бек повернулся к проводящим обыск помощникам. – Что у него?

– Шмотки, – один из боевиков пнул ногой пакет с вещами. – Консервы анклавские, концентраты и колеса какие-то...

– Воду обеззараживать, – объяснил Бергер.

– Блокнот, карандаши, аптечка...

– Наркота есть? – оживился Расул-бек. – Качественная?

Вопросы были обращены к подручным, однако Федор ответил сам:

– Есть синтетика, на случай ранения.

– Предусмотрительно... – Шамильский хозяин еще раз оглядел разбросанное имущество, задержав взгляд на легкой, превосходно подходящей для охоты на мелкую дичь винтовке, и протянул: – Ты, я смотрю, предусмотрительный, этнограф... Где связь?

– Нету, – развел руками Бергер.

И получил в печень. Охнул, согнулся, огреб по затылку, а когда вновь оказался на ногах, услышал:

– Где?

– Никакого электричества, – торопливо, не отдышавшись, а потому – фальцетом ответил этнограф. – Я по три-четыре месяца в поле, в самый первый раз брал с собой коммуникатор, а мне его прострелили перед возвращением, вся работа псу под хвост. С тех пор только блокноты.

– Как ты со своими связываешься?

– Никак.

– У него ничего нет, – подтвердил боевик. И еще раз, на всякий, так сказать, случай, потрянул рюкзак. – Никаких гаджетов.

– Кто тебе платит? – сменил тему Расул-бек. – Кто снаряжает? Кому ты рассказываешь сказки?

– Мертвому.

На этот раз в печень словно кувалдой засветили.

– Да не вру я! – взвыл Бергер.

– Я ему верю, – тихо произнес Химик, глядя Расул-беку в глаза. – Поэтому не убил.

И эта коротенькая фраза наглядно продемонстрировала то необыкновенное влияние, которое имел фабричный лидер на всемогущего хозяина Шамильского улуса. Расул-бек молниеносно успокоился, удивленно поднял брови и хрюкнул:

– Мертвому нужны сказки?

– Да.

– Зачем?

– Мертвый ищет те, которые сбываются, – едва слышно прошелестел фабричный лидер, и шамильский лидер все понял.

Понял, вздрогнул и машинально дотронулся до шрама на правой щеке. И не сдержал сорвавшееся ругательство.

– Сам понимаю, что плохо, – вздохнул Химик.

– Я его заберу, – неожиданно громко и неожиданно уверенно рубанул Расул-бек. И перевел взгляд на Бергера: – Поедешь со мной.

– Зачем? – Фабричный ошеломленно уставился на Расул-бека.

– Этнограф наверняка разведчик, а наземная разведка означает одно: Мертвый близко, – объяснил шамильский хозяин. – Хочу говорить об этом.

– Говори здесь.

– Здесь криво, – отказался Расул-бек, с улыбочкой наблюдая за тем, как его подручные тащат Бергера к головному внедорожнику. – А я хочу ровно.

* * *

Как столица называлась раньше, когда в ней заправляли спившиеся туземцы, теперь никто и не вспоминал. Во времена губернатора Сулима III Благочестивого город стал Шамиль-сараем, и следующие поколения правили уже переименованным улусом. Правили успешно: не прогнулись под Кубанский джамаат, отбили два вторжения орды Рафика Назимова, воинственного министра обороны Центрального федерального округа, и сохранили неплохие отношения

с ОКР, единственной скрепой, которой Санкт-Петербургский президент хоть как-то удерживал наследных демократических губернаторов в федеральном составе.

Катастрофа Шамиль-сарай не затронула, но головы лишила: губернатор Адам VI Головокрут, изволивший отдохнуть в своем дворце на Исламской Ривьере, обрушился на новое дно Средиземноморья вместе с семьей и челядью. Между племянниками Головокрута немедленно вспыхнула междоусобица, однако воцарившаяся разруха не позволила никому из них взять верх. Мовлади удерживал пару районов на юго-западе улуса, Магомед – на юго-востоке, а Расул-бек взял все остальное, не предпринимая никаких попыток отбить у родственников владения. Положение Расул-бека выглядело безупречным: ему достались развитые сельскохозяйственные зоны, кое-какие рудники, кое-какое производство, атомная электростанция, а главное – три дядюшкиных арсенала из пяти. Он сидел настолько крепко, что сумел отразить нападение танковой армады Генеральной прокуратуры и даже продвинулся на запад, заполучив под контроль область ответственности бригады Шариатского надзора из Белгородского ханства; и на север, оттяпав три района Умарского улуса у занятых внутренними распрями депутатов тамошнего меджлиса. Все выглядело хорошо, однако вот уже год Расул-бек жил в тревожном ожидании перемен. Анклав Москва уверенно полз на юг, и все говорили одно: Мертвый близко.

– Вы будете меня кормить? – осведомился Бергер из багажника внедорожника, где скрючился на маленьком сиденье.

– Не знаю, – не стал скрывать шамильский хозяин.

– От чего зависит?

– Скажешь правду или нет.

Они были примерно одного роста: около ста девяносто, примерно одинаково одеты: в полевую армейскую форму без знаков различия, и примерно одного возраста: в районе тридцати пяти. А вот дальше начинались различия. Расул-бек был плечистым, настоящей скалой, а его крупное грубое лицо поросло густой бородой, справа рассеченной шрамом. Жилистый Бергер мощью не отличался, казался тощим, нескладным, и лишь очень опытный глаз мог оценить отточенность его движений: этнограф явно посещал не только библиотеки да лекции. Лицо Бергер имел узкое, с мелкими, «мышинными» чертами и унылым выражением. Во всяком случае сейчас.

Но унылость лица никак не соотносилась со спокойным тоном, каким этнограф вел разговор.

– Я не лгал.

– Что собираешь сказки? Не смей меня.

Присутствующие в мобиле мордovorоты дружно заулыбались.

– Вам смешно, а Химик испугался, – размеренно произнес ученый.

– В отличие от него, я не верю, что Мертвому нужны сказки, – через плечо бросил Расул-бек.

И вздрогнул, услышав спокойное:

– Доктору Кауфману нужна правда.

– Какая?

– После Катастрофы мир стал другим, – вздохнул Бергер. Внедорожник подпрыгнул на очередном ухабе, и Федор врезался головой в потолок. Однако продолжил как ни в чем не бывало: – Доктор Кауфман хочет знать – каким?

– И еще он хочет мою землю, – мрачно произнес Расул-бек. Резко повернулся и вперился в пленника взглядом. – Да?

– Шамильский улус не первый и не последний, – пожал плечами Бергер. – Вы уже должны знать политику доктора Кауфмана: если туземная администрация проявляет разумную покорность, ее оставляют править.

Заявление прозвучало нагло, вызвало злобный скрежет у мордovorотов, однако шамильский хозяин среагировал так, словно услышал ожидаемое: спокойно.

Осведомился лишь:

– То есть ты не скрываешь, что шпион?

И хмыкнул.

– Кому нужен шпион, неспособный принести информацию? – вопросом на вопрос ответил Федор. – К тому же Шамильский район вдоль и поперек изучен с беспилотников. Я видел карты и по ним прокладывал маршрут.

Скрежет мордovorотов стал сильнее, но Расул-бек прекратил его одним движением бровей. И задал следующий вопрос:

– Тогда зачем ты здесь, этно?

– Послушать сказки, пока вас не убили.

– Ты только что говорил, что Мертвый оставит меня у власти.

– Не все соглашаются.

– Почему? – впервые шамильский хозяин продемонстрировал неподдельный интерес. Оно и понятно, ведь дело касалось его коллег. – Почему не все?

– Потому что доктор Кауфман – это не презик Питера, доктору Кауфману вы станете служить по-настоящему. Как собака.

– Как ты? – Расул-бек резко спросил, резко отвернулся к окну и закончил: – Раз ты собака, то жрать будешь объедки, на большее не рассчитывай.

* * *

Аулов, поселений и городков на севере Шамильского улуса хватало даже сейчас, после Катастрофы. Здесь находились столица, переполненная хоть и обветшалыми, но еще крепкими домами, и губернаторский округ, дворец которого с достоинством пережил тяготы последнего времени. Другими словами: было где пожить, но Расул-бек удивил. В столицу он наведывался изредка – самолично вершить суд и собирать с купцов дань. В дворцовом округе появлялся только для того, чтобы поохотиться в заповеднике. А штаб-квартиру устроил в расположении дивизии имени Басаева – своего главного военного кулака. И главного военного кулака всех наследных демократических губернаторов Шамильского улуса.

Незадолго до Катастрофы, словно предчувствуя надвигающиеся проблемы и мечтая сделать племяннику приятное, Адам VI реконструировал городок, превратив его в настоящую крепость, которая до сих пор не растеряла оборонительных достоинств. Мощная стена, доты и пулеметные вышки, укрепленные здания, вкопанные в землю склады и ангары для техники, глубокие бункеры... Басаевку строили спецы из Анклава Москва, и она могла выдержать серьезную осаду.

– Расул!

Молодой женщине, вышедшей из дверей штаба, было не больше двадцати пяти, и выглядела она так, словно только что закончила процедуры в настоящем, еще до Катастрофы созданном и до сих пор действующем СПА-салоне. Высокая эффектная брюнетка восточного типа, с широкими скулами и чуть раскосыми глазами, она обладала великолепной фигурой, на которую с вождением пялились все окружающие мужики, и властными манерами, достойными принцессы крови. Или фаворитки главы улуса.

– Расул, я соскучилась!

– Меня не было всего два дня.

– А показалось – два года. – Девушка картинно прильнула к плечу шамильского хозяина. – Мне плохо без тебя. Я слабею.

Бергеру поведение девицы показалось фальшивым, но Расул-бек, очевидно, принимал ее слова за чистую монету. Он уверенно обнял красавицу, жадно ответил на поцелуй и лишь после этого крутанул головой в сторону пленника:

– Хочу, чтобы ты о нем сказала.

Девица обернулась, бросила на Федора легкий взгляд, стала поворачиваться к Расулу, но замерла, словно разглядев на израненном лице пленника что-то важное, напряглась, и ее взгляд стал тяжело-пристальным. На секунду. На одно мгновение.

И оно, это самое мгновение, ускользнуло от этнографа.

А в следующий миг красавица рассмеялась:

– Почему ты волнуешься, Расул? Он не выглядит опасным.

– Он странный, – объяснил шамильский хозяин. – Собирает сказки.

– В наше время?

– Ага.

– Интересно... – Девушка, оставаясь в объятиях Расула, поманила пленника пальцем. – Иди сюда. – Бергер сделал шаг и замер, только теперь почувствовав силу черного взгляда красавицы. – Меня зовут Тара.

* * *

Завтракал Расул-бек обычно «на ходу», торопливо запивая бутерброды горячим кофе: зерна купцы стали привозить из Анклава Москва примерно год назад, наглядно показав, что хоть где-то на этой раздолбанной планете жизнь вернулась в нормальное русло. Расул же, за три года озверевший от эрзац-пойла, готов был платить за настоящий кофе любые деньги. И платил.

Обедал хозяин Шамильского улуса в дороге или на инспектируемом объекте, а потому главным приемом пищи почитал ужин, поскольку только вечером мог насладиться едой, не торопясь, под размеренные разговоры с соратниками, и в очередной раз прощупать этих самых соратников, оценить их поведение и уровень демонстрируемой лести.

– Чем занимается? – переспросил Мирза.

– Сказки собирает...

Громыкнуло веселое ржание.

– Прости меня, бек, – попросил Мирза, утирая выступившие слезы. – Просто давно я таких шуток не слышал.

– Я тоже смеялся, – скупно кивнул Расул.

– В женском ходит? – осведомился Сулейман.

– На что люди себя тратят, – покачал головой умный Абдурахман. – Сказки!

– Да какие они люди? – скривился Мирза. – Собаки, свиноеды...

– Труссы, – поддержал друга Аслан. – Защитить себя не могут, псы.

Еще вчера Расул-бек не обратил бы на эти слова внимания, но оброненная Химиком фраза превратила замечание Аслана в тупое бахвальство. Он мог себя защитить, мог напасть и с удовольствием напал, но что толку?

– Ты нашел технарей? – резко спросил шамильский хозяин. – В столице уже три фабрики стоят.

– Их не искать, их пороть надо, – развязно отмахнулся Аслан, не сообразивший, что над его головой сгущаются тучи. – Я сегодня троих запарол за то, что не починили.

– И из них полезла жратва?

За столом стало тихо.

Ни один отец не хочет своему ребенку плохого, не заставит чадо возиться с отверткой, зная, что богатым и сильным его сделает кинжал. Да и на какое уважение может рассчиты-

вать слесарь, инженер или механик в мире вооруженных автоматами воинов? Живы, и ладно. Губернаторы, надо отдать должное, необходимость в технарях понимали, платили нормальные деньги, селили отдельно, под охраной, запрещали грабить их дома и насиловать женщин. Молодую поросль этот запрет выводил из себя. Подрастающие волчата тупо не понимали, почему нельзя убить попавшего под горячую руку свиноеда, и после смерти Адама залили районы технарей кровью. Инстинкты, что делать...

В результате половина техники оказалась поломанной, инженеров и слесарей приходилось покупать или воровать, а сам шамильский хозяин до сих пор благодарил Аллаха за то, что тот надоумил его отстоять поселок ядерщиков: без опытного персонала станция, обеспечивающая улус электричеством, встала бы или взорвалась.

– Аслан, – тихо произнес Расул-бек, – я велел тебе решить проблему.

– Мне их всех запороть? – не понял джигит.

– Тебе, урод, нужно найти технарей! – взорвался хозяин. – А не убивать тех, кто есть! Ты понял?!

Аслан побледнел. То ли от страха, то ли от злобы.

– Не сумеешь починить фабрики за три дня – я тебя самого запорю!

– Где я возьму технарей?!

– Где хочешь! – отрезал Расул-бек. И тут же, не давая джигиту сказать что-нибудь еще, громко распорядился: – Сказочника сюда!

За столом послышались осторожные смешки. Бандиты поняли, что на этот раз гроза коснулась только Аслана, и расслабились.

– Что я сказал?

– Я здесь. – Бергер, которого грубо втолкнули в комнату, потер плечо и вздохнул: – Что?

– Наглый, – оценил Мирза.

– Наглая собака, – поправил приятеля Сулейман.

– Московский ублюдок, – подытожил Абдурахман.

Аслан промолчал.

Шамильцы не чуяли страха, не видели в глазах этого сказочника покорности и тупой обреченности, характерной для туземцев, и потому бесились. А еще их выводила из себя мысль, что человек из Анклава олицетворял другой мир. Настолько другой, что оставался за пределом их понимания.

– Жрать хочешь? – осведомился Расул-бек, вертя в руках частично обглоданную баранью кость.

– Поел бы, – не стал скрывать Федор.

– Обьедки нужно заслужить, – хрюкнул шамильский хозяин и бросил кость собаке. Подручные вновь заржали. – Расскажи мне сказку.

– Страшную? – нахально поинтересовался Бергер.

– Дай, я его резать стану, – взбрыкнул Аслан, которому срочно требовалось выслужиться.

– Не мешай, – распорядился Расул-бек. И с ухмылкой осведомился у пленника: – Для кого твоя сказка страшная?

– Для дураков.

– Тогда рассказывай, я посмеюсь.

– Не сомневался в твоей храбрости.

– Бек!

Теперь не выдержал Сулейман, не понравился командиру дивизии Шариатского надзора самоуверенный тон этнографа, и в возгласе звучало: «Накажи его!» Но Расул только улыбнулся, сделал мягкий жест рукой, мол, пусть резвится, и подручные поняли, что жить наглому москвичу осталось ровно столько, сколько будет звучать его «страшная» сказка.

– О чем вы хотите сказку? – спросил Бергер, разглядывая жующих боевиков.

- О Мертвом!
- О девке той... Пэт!
- О других мирах!
- Я собираю истории о Земле.
- Расскажи о Дне Беды!
- Мертвый построил Станцию! – подал голос Абдурахман. – Все знают, что это он взорвал планету.
- Взорвал? Разве у него получилось?
- Но тонкое замечание не нашло благодарных слушателей.
- У меня братья в Уресе жили, они говорили, что Мертвый обычный человек, – припомнил Сулейман. – Только злой очень.
- Мертвый не прост, сука, – добавил Мирза.
- Пусть говорит сказочник, – недовольно распорядился Расул-бек. И добавил: – О Дне Беды.
- Спасибо. – Бергер потер ладони. – Так вот, друзья мои, для нашего вечера я выбрал предание о Страшном Событии, родиной которого считается Архангельск.
- Это где? – растерялся Сулейман. География никогда не была его коньком.
- Далеко, – протянул Абдурахман, в голове которого отыскались смутные воспоминания о расположении российских улусов. И тут же последовал удивленный вопрос: – Ты там был?
- Я собираю сказания уже два с половиной года, – с гордостью поведал этнограф.
- Как же ты туда добрался?
- Так же, как сюда: меня доставляют в нужные улусы вертолетчики «Науком» или московский СБА. – В комнате стало тихо. Федор хладнокровно посмотрел на Расул-бека: – Ты по-прежнему не хочешь усадить меня за стол и накормить, как гостя?
- Нет, – буркнул шамильский хозяин. Он не мог себе позволить потерять лицо. – Не хочу.
- В таком случае – сказка. – Бергер обаятельно улыбнулся.

* * *

– «Тигрица», это «Тигрята». Десять минут до цели. Запрашиваю подтверждение приказа и перехожу в режим радиомолчания.

«Тигрята» – звено ударных вертолетов «Неясыть» – шли в пяти минутах от десантной группы и должны были начать демонстрацию того, что в Шамильский улус пришла новая сила. Уничтожать Расула пока не требовалось: тактика московский СБА предполагала сохранение в определенной под захват территории центральной власти до тех пор, пока на границе не встанут пехотные части; однако урок приказали преподнести серьезный, чтобы неповадно было трогать гостей.

- Говорит «Тигрица», – негромко произнес полковник Шишкин. – Приказ подтверждаю.
- Вас понял, «Тигрица». Режим радиомолчания.

В одичавшем Шамильском улусе режим радиомолчания казался ненужной перестраховкой, однако офицеры московский СБА не привыкли отступать от протокола проведения боевых операций. Раз сказано – режим радиомолчания непосредственно перед ударом – значит, будет режим радиомолчания. Точка.

Закончив разговор – до следующего сеанса связи оставалось десять минут, – Шишкин выбрался из стоящего за спинами пилотов кресла, прошел в десантный отсек и замер, с удовольствием разглядывая три десятка закованных в «саранчу» безов. Даже двадцать лет службы в боевых подразделениях СБА не изменили его восторженного, совсем мальчишеского отношения к индивидуальным боевым комплектам – современным доспехам современных рыцарей.

Три десятка в машине, всего «толстяков» три, так что на помощь застрывшему у шамильских разбойников этнографу торопилась почти сотня бойцов – огромная сила.

– Главный объект: Федор Бергер, – в очередной и последний раз повторил Шишкин, разглядывая замерших парней. Забрала подняты, так что видны лица, спокойные физиономии московских безов. – Его жизнь – приоритет номер один. Вопросы?

Вопросов, так же, как после предыдущего инструктажа, не возникло. Девяносто парней тарасились на фотографию ученого, которую Шишкин принудительно засадил на их наноэкраны, и молчали. Девяносто офицеров – солдатские должности в осназе СБА отсутствовали, – способные взять под контроль средних размеров город. Кое-кто из молодых, возможно, удивился тому, что на спасение «какого-то очкарика» Оперативный штаб «Юг» бросил усиленную мобильную группу, но удивление это проходило под грифом «от скуки»: сомневаться в приказах начальства в московской СБА принято не было.

– Шесть минут до цели, – произнес Шишкин. – Командирам подразделений повторить с подчиненными боевые задачи.

Операцию расписали посекундно, каждый боец знал, куда должен бежать и кого убивать, но, по мнению Шишкина, лишний инструктаж еще никому не вредил.

На глазных наноэкранах возникло изображение Басаевки с указанием всех огневых точек и местонахождением вооруженных людей: съемка в режиме реального времени велась со спутников «Науком», а обсчитывал информацию и отправлял ее в балалайки осназовцев путешествующий во втором «толстяке» тактический компьютер. Московская СБА оставалась единственной на Земле организацией, чья оснащенность после Катастрофы не только не пострадала, но даже выросла.

– Пять минут!

* * *

– Двадцать! – выкрикнул Абдурахман. – Двадцать минут!

– Нет, – покачал головой Бергер.

– Пять!

– Нет.

– Десять!

Гадать азартные шамильцы могли до бесконечности, поэтому Федор пресек выступления достаточно рано:

– В действительности Катастрофа длилась двенадцать с половиной секунд. Именно столько времени существовало энергетическое копьё.

– Которое Мертвый воткнул всем в задницу, – пробубнил Сулейман.

– Копьё подняло из Энергоблока прямое попадание крылатой ракеты, – предъявил официальную версию этнограф.

– Люди говорят другое, – уперся Сулейман.

– Люди искренне верят, что доктор Кауфман – могущественный колдун и видит все, происходящее на Земле, – рассмеялся Бергер. В последние несколько минут его настроение значительно улучшилось, а в голосе стали чаще проскакивать нахальные нотки.

– Мы – не верим, – веско бросил Расул-бек.

Шамильский хозяин рассчитывал, что этнограф заткнется, но тот лишь покачал головой: – Напрасно. – И склонил голову, словно к чему-то прислушиваясь. – В далеких деревнях верят, что доктору Кауфману служат драконы. Они изрыгают огонь...

– Вертолеты! – заорал сообразивший, что происходит, Расул-бек. – Эти сволочи прислали вертолеты!

А еще через секунду на территории крепости взорвалась первая ракета.

* * *

Силовые установки новейших вертолетов «Науком» работали на плазменных преобразователях, что обеспечивало невероятную мощь и, как следствие, большую грузоподъемность.

Каждая «Неясыть» тащила к цели по двадцать управляемых ракет класса «воздух – земля», сорок неуправляемых, две скорострельные пушки с чудовищно большим боекомплектом и шестиствольный пулемет в качестве «вишенки». И все это «богатство» – под защитой надежнейшей брони. Звено ударных вертолетов за три минуты стирало в пыль средних размеров поселок, и Басаевка уцелела только потому, что Оперативный штаб требовал демонстрации силы, а не уничтожения шамильской власти.

Однако разрушения получились серьезными. «Неясыти» отработали по северной части крепости, накрыли склады, ангары с техникой и западное крыло штаба. Затем добавили из пулеметов, не позволяя выскочившим из казарм солдатам прийти на помощь главарю, похозяйски зависли над центром и пустили через громкоговорители издевательскую запись:

– Внимание! В районе проходит полицейская операция! Жителям предлагается соблюдать спокойствие и не препятствовать работе СБА! Будьте осторожны: во время операции наши сотрудники имеют право стрелять без предупреждения! Мы не гарантируем безопасность тем, кто будет сопротивляться!

Это был «фирменный» знак москвичей, их послание, текст которого был утвержден задолго до Катастрофы.

– Внимание! В районе проходит полицейская операция...

На севере Басаевки продолжали взрываться склады с боеприпасами и горели мобили. Растерянные солдаты расплзлись по убежищам и ждали приказов. Голос из громкоговорителей продолжал убеждать «жителей» не вмешиваться в полицейскую операцию, а из подоспевших «толстяков» посыпались безы в «саранче».

Десант ознаменовал начало второго этапа операции.

* * *

– Сука!

– Я предупреждал, что меня нельзя трогать!

– Мочить свинюеда и мотать!

– Куда мотать?!

– Канализацией уйдем!

– Далекое?

– Дерьмо!

– Что делать?

– Сука!

Образцово-показательный, а главное – совершенно неожиданный налет поверг центральную шамильскую власть в состояние глубокой паники. Только что они сидели за столом с самим Расул-беком, не просто уважаемым и авторитетным человеком, но хозяином окрестных земель. Да и сами они – люди не из последних, привыкли чувствовать себя уверенно. Привыкли никого не бояться, творить все, что заблагорассудится, наводить ужас на безропотных и безоружных рабов и совершенно растерялись под огнем безов.

– Как тебя нашли?!

– У тебя же нет коммуникатора?!

– Маяк?!

– Надо было проверить голову, придурки, – скривился Федор. – У меня действующая «балалайка». Ребята видят все, что вижу я.

– Правда?

– Сука!

– Он во всем виноват!

– Не трогать! – Расул-бек в последний момент отбил руку Аслана, не позволив ему застрелить этнографа. Пистолетная пуля врезалась в стену.

– Все из-за него!

– И ты вознамерился его убить?

– А что?

Тупость молодого джигита настолько изумила Расул-бека, что он не находил ответа несколько секунд. А Бергер, несмотря на сложные обстоятельства, не сдержал улыбки.

– Свиноед! – Сулейман хлестнул этнографа по губам.

– Еще раз так сделаешь, и мои друзья тебе перед смертью пальцы отрежут, – громко произнес Федор, наградив шамильца злым взглядом: ему осточертели тычки.

За окном взорвалось. Аслан инстинктивно пригнулся. Мирза и Абдурахман синхронно выругались, а Сулейман сжал кулаки, не зная, как реагировать на дерзость москвича.

Еще два взрыва и автоматные очереди: безы совсем рядом.

– Если им нужен сказочник, мы его обменяем, – рассудительно произнес Расул-бек, вынимая из кобуры пистолет.

– На что? – удивился Мирза.

– На то, чтобы они отстали!

* * *

К чести шамильских солдат, они не сдались. Им было страшно: а кто бы не испугался, увидев над головой звено ударных вертолетов? Они потеряли управление: все лидеры улуса ужинали с Расул-беком и оказались отрезаны от подчиненных. Некоторые солдаты побежали, некоторые попробовали прорваться к хозяину и были отогнаны огнем «Неясытей», но в основном шамильцы решили драться и заняли оборону там, где застал налет: забаррикадировались в казармах, в ангарах, в госпитале... Каждое строение превратилось в импровизированную крепость, но штурмовать их москвичи не собирались, а потому в проявленной храбрости не было никакого смысла.

Два десятка безов направились к зданию офицерского клуба, а остальные ограничились «поддержанием оперативного контроля за ситуацией», не уничтожая солдат, но и не позволяя им вмешаться в происходящее. Осуществить подобное можно было лишь при условии подавляющего превосходства в оснащении, которое «Науком» обеспечивал своим солдатам.

– Кто главный?! – заорал Расул-бек, как щитом прикрываясь Федором. – Я хочу говорить с командиром! У меня ваш человек!

– Не стреляйте! – добавил Сулейман, рискнувший выйти вместе с хозяином. – Мы не хотим стрелять!

Далеко, однако, не отходили, застыли на пяточке у клуба и по очереди надрывались:

– Кто главный?!

– Не стреляйте!

– Кто...

И одновременно вздрогнули, увидев расплывающиеся в ночном сумраке фигуры. Два осназовца медленно подошли к шамильцам на десять шагов и остановились, демонстративно опустив стволы «мотыг». Впрочем, риска для них не было никакого: защиту «саранчи» пистолетной пулей не пробьешь.

Расул-бек ожидал вопроса, приказа, хоть какого-нибудь звука, одним словом, но безы молчали и тем еще больше нагнетали обстановку.

– Эй...

– Они не хотят тебя убивать, – негромко произнес этнограф.

– Что? – растерялся Сулейман.

– Они говорят с тобой... – понял Расул-бек. Со своим через «балалайку», не размениваясь на переговоры с шамильцем. И это обстоятельство делало положение Расула еще более унижительным. – Скажи им, что я хочу говорить с главным.

– А сплясать не хочешь? – презрительно осведомился Федор, не замечая приставленного к его виску пистолета. – Прямо сейчас тебя держат два снайпера. Так что прячь «дыродел» и поднимай вверх лапы: война закончилась.

* * *

– Ты крутой, да? – заискивающе спросил Расул-бек. Именно заискивающе, хотя не был связан, избит или... Нет, напуган он все-таки был, и именно поэтому шамильский хозяин говорил с Бергером заискивающе, униженно, ничем не напоминая самого себя двухчасовой давности. – Я сразу понял, что ты крутой, но проверить хотел. Без обид, ладно? Положено проверять крутых. А ты – крутой...

– На вопрос отвечай, – хмуро велел Федор, которому давно осточертели и заискивание, и грубая лесть.

– На какой вопрос?

– Уже забыл?

В ответ раздался театрально-тяжкий вздох.

Допрос страдающего хозяина Шамильского улуса начался не сразу. Сначала остановили бойню: Расул-бек лично объявил своим, что «недоразумение с московской СБА» улажено и безы вскоре покинут гостеприимный улус. Успокоенные солдаты отправились тушить пожары, мрачно поглядывая на зависшие над базой «Неясыти»; их главарей вежливо попросили не покидать обеденный зал, а самого Расула доставили в его собственный кабинет, где на краешке письменного стола в свободной позе сидел Федор.

– Что ты знаешь о Химике?

Вопрос этнограф задавал уже в третий раз, но до сих пор шамильский хозяин уходил от ответа. Шишкин недовольно сопел, намекая, что следует нажать, но Бергер хладнокровия не терял и спокойно возвращался к интересующей теме.

– Что ты знаешь о Химике?

– Ничего, – сдался наконец Расул-бек. – До Катастрофы я в его сторону даже плюнуть побрезговал бы, но люди говорят, что ничего особенного за ним не замечали: работал, как все. Технарь вшивый, всегда и всего боящийся.

– Был директором Фабрики?

– Главным механиком, – уточнил Расул-бек. – Директором Исмаил-оглы Тырдыбердыев числился.

Чувствовалось, что говорить о Химике хозяину улуса не хочется, но он понимал, что неудовольствие полковника Шишкина вот-вот выльется в крупные лично для него, Расул-бека, неприятности, вот и «запел». Без охоты, но правдиво.

– Что изменилось после Катастрофы? Химик стал другим?

– Там все стало другим.

– То есть?

Расул-бек потер шею.

– Люди рассказывали, что после Дня Беды над Жрать двое суток разноцветные молнии полыхали.

– Молнии или всполохи?

– Небо цветным было, – поднапрягшись, выдал Расул. – И ночью, и днем.

– Чушь, – вставил Шишкин.

– Я сам не видел, от людей узнал: прямо над головами полыхало. А уж как именно, этого они не объясняли, дикари тупые.

– Что с людьми случилось? Почему они стали такими серыми?

Странный цвет кожи фабричных не давал Бергеру покоя.

– Не знаю, – признался Расул. – За кожу ничего не знаю, но люди другими стали – факт. Во-первых, те, кто в Жрать под молнии попал, домой ходить перестали, от семей отказались, живут теперь с Химиком. Во-вторых, другие такие же к ним пришли из ближайших деревень.

– Такие же серые?

– Да.

– Они откуда взялись?

– Люди говорят: молнии до нескольких поселков добивали. Оттуда потом и пришли.

– Так... – Федор потер переносицу. – Ты что обнаружил?

Шамильский хозяин прищурился, припоминая историю четырехлетней давности, и продолжил:

– Я в Жрать десятку Ахмада послал – не вернулся никто. Что за хреновина, думаю? Поехал сам. А Химик меня встречает у ворот как брата. Расул, кричит, ждал тебя, еще вчера ждал, пойдем, покажу чего, и за угол отводит. Нагло, да? Я его запороть хотел, но не успел: Химик из рукава бритву вынул и себя по щеке полоснул со всей дури. И ржет. – У Расул-бека заходили желваки, а пальцы его правой руки машинально прикоснулись к старому шраму. – А я смотрю: из меня кровь хлещет. Как у него.

– Что?!

– Полковник, не мешайте! – почти рывкнул подавшийся к Расулу Бергер. Но шамильский хозяин, и не думая реагировать на окрик Шишкина, продолжил рассказ:

– Химик рану зажал и тихо так говорит: «Все, что мне придет, и тебя не забудет». И рукой сделал, словно знак в воздухе начертил. Абдулла грохнуть его собрался, «дыродел» к башке приставил, курок взвел, а я смотрю: смеется заморыш, смеется, кровь по морде размазывает и на меня смотрит. Пришлось мне Абдуллу кончать... Потому что никто о том колдовстве знать ничего не должен был. – Вот теперь Расул выдержал паузу. Помолчал, продолжая нервно поглаживать шрам, и лишь через полминуты добавил: – С тех пор мы с Химиком типа побратимы.

– Что находится в бойлерной? – осведомился Федор, поняв, что рассказ окончен.

Вопрос вызвал у шамильского хозяина ухмылку:

– Ты не только крутой, но еще и умный, да?

– Я книжки в детстве читал, – объяснил Бергер.

– Что делал?

– Не важно. Я видел, что в бойлерную идут провода от всех остальных зданий, но не слышал звука работающего генератора. И еще видел, что ты всегда стоял к бойлерной лицом, словно боялся чего-то. Так что отвечай на вопрос: что там?

Прозвучало грубовато, но деваться Расул-беку было некуда. Черные его глаза налились злобой, но ответил он спокойно:

– Сила.

– Какая?

– Если бы знал, давно бы от этого гада избавился, – с чувством ответил шамильский лидер.

Не только с чувством, но искренне, и Федор понял, что больше Расул ничего не знает: не по чину. И не по уму.

Пришлось возвращаться к простым темам:

– Почему ты не вернул Тару Химику?

– Откуда о Таре знаешь? – растерялся шамильский хозяин.

– Меньше нужно было болтать, – усмехнулся Бергер. – У меня в голове «балалайка» и куча имплантатов, я ваш с Химиком разговор не слышал, но ребята его вытянули, почистили и мне вернули. – Расул-беку оставалось лишь развести руками. – Так что с девчонкой?

– Она появилась у Химики два года назад. Говорят, откуда-то с юга пришла...

– То есть ты не узнавал?

– А зачем? – В голосе шамильского хозяина послышались исчезнувшие было наглые нотки. – Я ее трахаю, а не болтаю.

Возможно, он так и думал, однако Федор помнил пристальный взгляд Тары, помнил неподдельное беспокойство в голосе Химики и потому распорядился:

– Приведи ее.

Прозвучало предельно унижительно, Расул-бек дернулся, но отвечать на оскорбление не стал, молча поднялся и вышел. А Бергер спокойно повернулся к полковнику:

– Ударная группа и два «толстяка» могут возвращаться домой. Мне нужен один вертолет и десяток безов на всякий случай.

– На случай? – встрепнулся Шишкин. – Идете на Фабрику?

– Но не собираюсь воевать, – сразу же уточнил Федор. – Там аномалия, а не бандиты.

Полковник потряс головой:

– Какая еще аномалия? Вы и впрямь поверили бредням Расула?

Для кадрового военного рассказ о чудесным образом появившемся шраме прозвучал на редкость неубедительно.

– Думаете, вас на мое спасение просто так бросили? – в голосе Бергера скользнула издевка. Однако долго мучить офицера Федор не стал. Тут же сменил тон на деловой: – Под словом «аномалия» подразумевается нечто необычное, неправильное, не такое, как всегда. Катастрофа изменила наш мир, полковник. Он и до нее был сложным, запутанным, а теперь слегка свихнулся. Доктор Кауфман говорит именно так: свихнулся. И я ему верю. Знаете, что такое «аномалия ноль»?

Шишкин вздрогнул. Слухи об этом сочетании среди военных ходили разные, иногда страшные, иногда таинственные, но доподлинно полковник знал одно: при обнаружении «аномалии ноль» оперативное командование немедленно переходит к яйцеголовым из настолько засекреченного отдела, что его как будто бы даже и не существовало в «Науком».

– Я должен получить инструкции...

– Вы уже их получили и знаете, что обязаны мне подчиняться.

Резкий переход не сбил Шишкина с толку. Он даже решил огрызнуться:

– Потому что так приказал начальник Оперативного штаба «Юг».

И скривился, демонстрируя, что в данном случае не очень-то согласен с мнением прямого руководства.

– На самом деле потому, что кафедра современной этнографии Московского университета изучает то, во что превратился наш мир после Дня Станции, – нравоучительно объяснил Бергер. – И я предполагаю, что Химик способен преподнести нам сюрприз. Ради таких вот Химиков наша кафедра и существует.

– Неужели?

– Поверьте мне, – весело предложил Федор. – Я два с лишним года таскаюсь по радиоактивной помойке, в которую превратилась наша планета, и наконец-то наткнулся на что-то стоящее. Я почти уверен, что мы имеем дело с «аномалией ноль», и не позволю вам все испортить.

– Можно? – Тара заглянула в кабинет осторожно, но без робости. Сверкнула глазами, улыбнулась, смело сделала два шага и замерла, подбоченясь и не сводя глаз с Бергера. – Расул сказал, что вы меня ищете?

– Расскажешь тайны Химика? – в лоб спросил этнограф.

– За пропуск в Анклав и деньги, – прищурилась в ответ девушка. – У тебя есть деньги?

– Деньги – не проблема, – махнул рукой Федор, – но что я получу взамен?

– Тебе будет интересно, – пообещала Тара, делая шаг навстречу. – Таких сказок, какие рассказывает Химик, ты еще не слышал.

Часть 2

Снова химик

– Не хочу ничего слушать, – отрезал Шишкин. – Один вы на Фабрику не пойдете.
– Я там уже был, – огрызнулся Бергер.
– И в результате пришлось вас выручать, – не сдавался полковник. – Существует протокол...

– Приоритетный протокол в СБА один: субординация. – Голос Федора стал жестким. – Поверьте, полковник, мне очень не нравится напоминать вам, но вы не оставляете мне иного выхода.

– Напоминать о чем? – прищурился Шишкин.

– Приказы здесь отдаю я.

Пару секунд этнограф и офицер буравили друг друга взглядами, но напоминание о полученной директиве сделало свое дело: полковник сдался.

– Вы сильно рискуете, Федор, – произнес он, отводя взгляд.

– Не более обыкновенного.

«Толстяк» приземлился примерно в километре от Фабрики, за небольшим лесом, подпирющим ее с запада. Бергер предлагал лететь к самым воротам, однако Шишкин убедил его проявить осторожность; а теперь навязывал в сопровождающие двух безов.

– Поверьте, полковник, я должен пойти один. Так надо.

– Мои ребята останутся у ворот.

– На опушке, – сделал последнее предложение Бергер. – Уверен, я смогу преодолеть двадцать метров без охраны.

– Если они дадут вам их преодолеть.

– Дадут. – Федор выпрыгнул из вертолета и потянулся. – Не волнуйтесь, полковник, Химик хочет со мной поговорить.

– Откуда вы знаете?

– Чувствую.

Ни рюкзака, ни оружия – даже захудалого пистолета не взял, – ни простенького бронежилета. Этнограф шел к загадочному Химику, как на университетский семинар, и Шишкин не мог не оценить его смелость.

– Чертов сорвиголова...

Проводив скрывающуюся в лесу троицу взглядом, полковник отправил формальный доклад в штаб, официально объявил привал, усмехнулся, глядя на снимающих ИБК безов, и неспешно прошел в дальний отсек, куда Бергер поместил Тару. Прошел, несмотря на строгий запрет этнографа, фактически – нарушив приказ. Однако у Шишкина была цель.

– Я хочу знать, как Фабрика охраняется.

– Зачем? – безразлично осведомилась пленница.

Лгать полковник не собирался:

– Я обязан предусмотреть любое развитие событий.

Перевод с военного: «Возможно, мне придется штурмовать объект»; и такая постановка вопроса девушку устраивала.

– Вы беспокоитесь о Федоре?

– Мне приказано его защищать.

У Тары вспыхнули глаза.

* * *

Массивные бетонные блоки, преграждающие путь к воротам, – серые, с торчащей арматурой и шершавые от пулевых отметин, блоки-ветераны, пережившие не одну атаку на Жрать; весомые стволы «молотков» из щелей двух дотов, проходящие на вытянутые зрачки, опасные зрачки, убивающие всех, кого увидят; тишина и ощущение опасности... Все, как в прошлый раз, когда он так же, в одиночку, шел к воротам Фабрики, с той лишь разницей, что не на рассвете, а погожим днем. Вчерашним днем. Бесконечно теперь далеким.

И еще. Вчера его встретили уверенно, по-хозяйски, вчера его встретили люди, полностью контролирующие происходящее. Сегодня в выцветших глазах фабричного лидера пряталась настороженность. Несмотря на то что и тогда, и теперь этнограф появился у ворот один.

- Они все равно рядом, – вздохнул Химик, намекая на оставшихся в «толстяке» безов.
 - Недостаточно рядом, чтобы спасти.
 - Зато отомстят.
 - Для этого их слишком мало.
 - Прилетят другие.
- Бергер усмехнулся.

Направляясь на Фабрику, он тщательно продумывал возможную модель поведения, выбрал схему «рассеянный ученый», но Химик, судя по всему, уже прознал о преподанном Расул-беку уроке, а значит, имело смысл вести себя по-другому.

И потому усмешка Бергера получилась жесткой.

- Да, прилетят. – И тут же надавил: – Ты меня ждал.

Химик в Шамильском улусе считался лошадкой темной и опасной, все знали о молчаливых и крепких мужиках, что слушаются его беспрекословно, о многочисленных стволах, защищающих Жрать, о том, что сам Расул-бек разговаривает с ним как с равным. Все знали, и потому никто не рисковал давить на тщедушного хозяина Фабрики. А вот чужак рискнул. Но чужак этот пришел с севера, из Москвы, и Химику пришлось терпеть.

- Расул поведал о нашей маленькой тайне? – с улыбкой осведомился он.

И коснулся рукой старого шрама.

- Поведал, – не стал скрывать Бергер. – Но не удивил.
- Ты не только наблюдательный, но и опытный?
- Я знаю людей, которые могут больше.
- Например?
- Госпожа Патриция, да продлятся ее дни вечно.
- Что ты знаешь о вечности?

Вопрос Химик бросил не подумав, сгоряча, резко бросил, явно принижая Федора, однако этнограф не среагировал на неожиданный выпад, продолжая гнуть свою линию. Демонстрируя знаменитое московское упрямство.

– Сейчас не о вечности, а о том, что ты можешь больше. Не столько, сколько Госпожа, но больше, чем хочешь показать.

- Не боишься мне это говорить? – тихо спросил Химик.

– Чего мне бояться? – «удивился» в ответ Бергер.

– Ну хотя бы того, что десять минут назад три спутника «Науком», которые накрывали эту территорию, неожиданно сменили орбиту. И ты остался без связи.

– Теперь я точно знаю, что пришел куда нужно, – рассмеялся Федор. – Два с лишним года я рыскал по обломкам, изучая преобразившихся местных и беглых генавров, которых одичалые туземцы принимали за колдунов. А теперь сорвал джекпот.

– И что же ты выиграл? – тяжело спросил Химик. Очень тяжело, словно из камня вырезая каждое слово.

– Сказку.

– Сказки бывают страшными.

– Тем интереснее.

Глаза в глаза, слово против слова. Тщедушный Химик стал вдруг напоминать глыбу, окутал их своей аурой, словно в скалу закатал, но Федор не отступал. Понимал, что слабее, но не отступал.

И фабричный был вынужден признать:

– Патриция молодец... умеет подбирать людей. – Не позволил себя перебить, продолжил: – Так почему ты не боишься?

– Потому что теперь от тебя точно не отстанут.

– Но ведь ты будешь мертв.

– За меня расплатятся, ведь убив меня, ты нанесешь оскорбление Госпоже.

– А если я предложу Патриции нечто существенное? – заинтересовался фабричный. – Что-нибудь такое, что заставит ее позабыть о твоей крови?

– Госпожу нельзя купить, – убежденно ответил Федор.

– Она не человек?

– Она была в Верхнем мире. Она говорила с богами, и боги позволили ей совершить задуманное. Отец моей Госпожи – тот, кто заставил отступить Смерть. Отец моей Госпожи – император, который может захватить Землю, но не хочет. Отец моей Госпожи видел души тысячелетних Традиций и тесал их, придавая им форму своего замысла. Чем, по-твоему, можно купить Патрицию, Химик?

Убежденность.

Убежденность, убежденность и еще раз убежденность. Фабричный разговаривал с Бергером второй раз, но видел этнографа разным: заинтересованным, избитым, осторожным, уверенным, но сейчас перед ним стоял человек предельно убежденный. Очень похожий на фанатика. Человек, считающий себя частью чего-то необыкновенно большого.

В этот раз они вели разговор вдали от административного корпуса, стояли у бойлерной, приземистого бетонного здания обыденно-потрепанного вида, однако взгляды, которые бросал Бергер на ее перекошенные двери, говорили сами за себя.

– Я хочу знать твои тайны.

– Сказка может оказаться страшной.

– Не повторяйся.

Продолжать спор не имело смысла. Химик распахнул двери, и Бергер вздрогнул, увидев за ними плотный оранжевый туман, в сердце которого широкие черные линии складывались в слово «Мир».

* * *

– Смерть, – убежденно повторила Тара, плотно удерживая зачарованного Шишкина в плену своего черного взгляда. – Химик беспощаден, как змея. Смерть – это все, что ему нужно.

– Так не бывает, – едва слышно пролепетал полковник.

Он уже не сопротивлялся девушке, а лишь пытался. Разум Шишкина продолжал инстинктивно противиться грубому вторжению, но изменить что-либо полковник уже не мог. Тихий разговор, на который не обращали никакого внимания отдыхающие безы, сковал несчастного крепче кандалов.

– Химик – сумасшедший.

– Химик – сумасшедший... – послушно повторил Шишкин.

- Химик хочет убивать.
- Химик хочет убивать.
- Химик убьет Бергера...
- Его нужно защитить, – «догадался» полковник.
- Немедленно!

«Глубокая» фаза вторжения завершилась, нужные идеи поселились в голове офицера, и Тара отпустила Шишкина в свободное плавание, знала, что никуда он с заданного фарватера не денется.

- А ведь я говорил, что не следует идти одному! Я предупреждал!
 - Ты можешь все исправить.
 - Без тебя знаю! – отмахнулся полковник, выскакивая из отсека. – Тревога!
- Подскочившие безы недоуменно уставились на взвинченное руководство.
- Яйцеголовый вляпался! – громко объявил Шишкин. – Нужно выручать придурка!

* * *

– Так я остался совсем один. Меня не существовало, но я чувствовал. Потоки боли, омуты забытья, недоумение, страх – все проходило через меня, перетекало, пропитывало, исчезало и возвращалось вновь. Я знал, что умер, но реальность не отпускала. Тогда я испугался, счел себя уродом, но в следующий миг понял, что законы нарушены, мир изменился, а местами спятил. Я был жив, но я умер.

- Для трупа ты неплохо сохранился, – попытался сострить Бергер.

Этнографу показалось, что шутка будет уместной, однако Химику она не понравилась. Он исповедовался и относился к происходящему со всей серьезностью.

Выдержав паузу, он вытянул перед собой левую руку:

- Попробуй найти пульс.
- Это старая шутка.
- Мое сердце не бьется с тех самых пор, как рухнули законы.
- Изменились, – тут же уточнил Федор.
- Мы говорим об одном и том же.

– Госпожа сплела между собой несколько ветвей Древа. Это вмешательство не могло затронуть базовый принцип нашего мира.

- Какой?

- Все умирает, – провозгласил Бергер. – В этом суть Великого Колеса!

Прозвучало несколько пафосно, но с той искренней убежденностью, каковой подкупал этнограф. Громко прозвучало, ярко, и Химику оставалось лишь развести руками:

- А как быть с нами?

И на этот раз ему удалось удивить Федора.

- С вами? – растерялся этнограф. – Разве ты не один?

* * *

- Только разрывными!
- Они их не берут!
- Подствольники!
- В головы бейте!
- Гена! Генку накрыло!

Боевая операция началась в тот момент, когда осназовцы вышли из леса. Чуть раньше отрубил спутниковую связь, сеть легла, превратив «балалайки» в ненужный хлам, но на такую

мелочь парни даже внимания не обратили. Заученно активизировали гарнитуры и ушли на радиоканал. А полковник подал последний из предварительных приказов:

– Действовать по плану.

Вот тогда-то и началась операция. И первые двести двадцать три секунды она действительно развивалась в соответствии с планом.

К Фабрике безы подошли быстро, но аккуратно, мастерски используя малейшие укрытия и складки местности. Знали, что их ждут, готовились к бою, к пулям и удивились, услышав холодный голос из замаскированных динамиков:

– Внимание, москва! Вход в Жрать запрещен! Отступите к лесу! Внимание, москва...

Однако предложение запоздало. На девяносто седьмой секунде операции, в тот самый миг, когда механический голос собрался повторить предупреждение, из-за деревьев вынырнул вертолет и поддержал пехоту пулеметом и скорострельной пушкой. Первые снаряды врезались в ближайшую огневую точку защитников, осназовцы, оставив осторожность, резко прибавили, полковник проорал нечто бессвязное, а Тара торжествующе захохотала.

– Западная пара! Не спать!

Сто четырнадцатая секунда.

«Толстяк» обрушил на пулеметное гнездо фабричных такой шквал огня, что толстые бетонные стены истончились на глазах, превращаясь в ошметки бетонного ничто. В конце концов «молоток» заклинило, расчет разбежался, безы снесли из подствольников маленькую калитку и ворвались во двор Фабрики.

– Мы внутри!

– Поддерживаем Ряху и Кузьму!

К месту прорыва устремляются «северяне», и единственный резерв группы – пятая пара осназовцев. Но секунды утекают слишком быстро, и с каждой из них становится все тяжелее.

* * *

– Сначала приходили те, кто умер от всполохов.

– Из могил выкапывались? – скривился Бергер.

– Их не хоронили, – скупое ответил Химик.

– Боялись?

– Всполохи несли смерть, но не разложение, – объяснил фабричный. – Человек понимал, что умер, но продолжал жить так, как жил. Останавливался на несколько секунд, понимал, что умер, и... и шел на Фабрику. Потому что здесь наш дом.

– В бойлерной?

– Около нее. – Химик криво улыбнулся. – Сила не хотела нас убивать, она не понимала, что творит. Она только касалась нас, но при этом забирала самое главное. Суть нашу забирала. А вся механика продолжала работать. Еда не нужна, питье не нужно – все дает Сила. Мы живем, но мы не живем.

– Удивительно, – прошептал Федор.

Теперь он понял, что фабричный действительно знает о вечности гораздо больше него.

– И страшно, – добавил Химик.

– Потому что вы не живые?

– Потому что не можем умереть, – вздохнул серый мужчина. – Мы можем надолго потерять способность двигаться, но рано или поздно Сила нас восстановит. И это страшно.

– Я хочу ее видеть, – решительно произнес Бергер, которому надоело стоять в оранжевом тумане. – Где эпицентр Силы?

– Прямо здесь, – грустно улыбнулся Химик.

* * *

- Только разрывными!
- Они их не берут!
- Подствольники!
- В головы бейте!

Подствольники опустели, и две «мотыги» рассекают Фабрику потоками смертоносного свинца. Но пули берут местных на изумление плохо. Швыряют на землю, вырывают куски мяса, вышибают суставы, но здоровенные работяги снова поднимаются и прут вперед. Словно боли не чувствуют. Словно смерти не знают.

- Кузьма?!
- Только в головы!

Потому что иначе местных не остановить.

Разрывные пули летят чуть выше, выцеливают лбы и лица, но поздно, поздно, поздно... Фабричные решили остановить прорыв любой ценой и наваливаются на москвичей отовсюду. Перестрелка превращается в рукопашную.

- Мужики! Подсобите!!!

Приклад «мотыги» раздражает всех осназовцев без исключения. Приклад «мотыги» не складывается, постоянно откуда-то вылезает и дико мешает при десантировании. Но удар им получается увесистый, и Кузьма с Ряхой щедро молотят странных фабричных здоровяков, целя исключительно в серые головы. Разлетающиеся с отвратительным чваканьем.

- У них нет крови! Совсем нет! Какое-то дерьмо внутри!
- Какое дерьмо? – спрашивает бегущий на помощь Петелин.
- Придешь – понюхаешь!
- Отставить болтовню! – приказывает Шишкин.

Но ответить ему никто не успевает, потому что наступает двести двадцать третья секунда боевой операции, «толстяк» получает в бок неуправляемый тычок с земли, подскакивает, ужаленный, и резко идет вниз, перепахивая раскаленной броней окружающие Фабрику поля.

* * *

С горы открывался великолепный вид на прячущееся за горизонт солнце. Розовые облака медленно наливались кровавым красным, но это был единственный символ опасности. Нет! Какая еще опасность? Алое небо наводило на мысль о ярких красках самой Красоты, и никогда еще Федор не чувствовал себя более умиротворенным. Во всяком случае, никогда за последние четыре года.

Катастрофа не просто потрянула Землю, натыв радиоактивных помоек и превратив мегаполисы и анклавов в огромные кладбища; Катастрофа переписала географию, обрушив часть материков в океан, а где-то, напротив, вздыбив из воды новые хребты и острова. Все поменяла, словно пытаясь переписать не только историю, но всю планету.

- Красота... – зачарованно протянул Бергер.

В задрипанной бойлерной, стоящей на окраине забытого богом российского улуса. Внутри неказистой бетонной коробки странная, непостижимая сила создавала по мысленному приказу Федора проекцию в чудо.

- Я могу туда уйти?
- Но не вернешься.
- Где я окажусь?
- Не знаю.

По лицу скользил легкий ветерок, ноздри щекотала растворенная в нем соль, а бирюзовая вода уже успела проникнуть внутрь ботинок. Они стояли на берегу моря. Настоящего и нет одновременно, на берегу материализовавшейся на несколько минут мечты. Двери в мечту. Они стояли там, откуда можно прыгнуть в Неизвестное.

– Здесь разрешено не все, но многое, – негромко произнес Химик. – Но только здесь, в бойлерной.

– Которая способна вырасти до размеров мира.

– Но она все равно останется бойлерной, – вздохнул фабричный. – Новый мир не выйдет за ее пределы. – И улыбнулся: – Понравилось?

– Не отвечу, пока не пойму.

– А если не поймешь?

– Мне не жалко времени. Я хочу разгадать. – Солнце почти скрылось, но красота продолжала щемить сердце, и Бергеру с огромным трудом удалось заставить себя вернуться к делам. – Мне показалось или я слышал взрыв?

– Твои друзья пытаются захватить Фабрику, – спокойно ответил Химик.

– Зачем?!

– Им приказала Тара.

– Девчонка Расула?

– Она не девчонка, – покачал головой фабричный лидер, – совсем не девчонка.

* * *

Жар.

Упругий поток расплавленного воздуха бьет в лицо. Горячая броня, пламя ракеты, выхлоп гибнущих двигателей, готовящийся взорваться преобразователь – смесь раскаленных запахов обжигает резко, безжалостно, заставляет вскрикнуть и спасает жизнь. Смесь заставляет потерявшую контроль Тару отшатнуться, оступиться и вылететь из распахнутых десантных ворот за несколько мгновений до того, как обреченная машина входит в землю и следует второй взрыв: грохочет боекомплект. Остаются двигатели, но дожидаться их гибели девушка не собирается: кое-как поднимается, бежит к ограждению, и третья, последняя волна, так уж получилось, помогает – швыряет во двор и добрасывает почти до дверей вождельной бойлерной.

– Я победила!

Теперь помешать ее замыслу мог только Химик, но девушка была уверена, что фабричный лидер занят штурмующими Жрать осназовцами.

«А когда ты опомнишься, будет уже поздно».

Тара смело шагает в оранжевый туман и широко улыбается крупной черной надписи: «ВЛАСТЬ».

* * *

– И зло, – вздохнул Химик. – В ней очень много зла.

– Почему ты с ней возишься?

– Разве недостаточно того, что она несчастный человек?

– Я слишком циничен, чтобы в это поверить.

– Плох не твой цинизм, а то, что ты им бравируешь. – Фабричный лидер выдержал короткую паузу. – Тара – очень сильный осколок одной из Традиций. Она умеет подчинять своей воле, но использует силу неправильно, потому что обижена на сломанную жизнь, на Катастрофу и на весь мир... Тара поражена злом и не изменилась, несмотря на все мои усилия.

– Ты ее пожалел?

– Гм... Возможно. – Химик пошевелил пальцами, подбирая нужное слово. Или же решая, следует ли рассказывать Федору правду. – Тара была первой из живых, кем заинтересовалась Сила. Они понравились друг другу, стали учиться понимать друг друга, но... – Еще один вздох, короткая пауза. – Я не мог допустить, чтобы к Силе прикасалось зло, и попытался сделать Тару добрее...

– Ты? – изумился Бергер.

Хотел посмеяться, хотел напомнить, что добряки не выживают, но вспомнил рассказ Тары и прикусил язык. Химик бескорыстно помогал людям, несколько раз получал в ответ зло, но не ожесточился, не плюнул, решив, что «все они такие», продолжил помогать, оставляя себе минимум, нужный только на то, чтобы защищать Фабрику от нападений. Вот и получается, что из тех, кого до сих пор встречал Федор, Химик больше всех тянул на добряка.

– Ты слышал о прелатах Мутабор? – неожиданно спросил фабричный лидер.

– Смеешься? Конечно, слышал.

– «Концепция Добра – свеча во мраке». Это самый короткий постулат Милостивого Владыки, но прелаты, бывало, тратили годы на его постижение.

– Откуда ты знаешь?

– Мрака вокруг достаточно, – «не услышал» вопроса Химик. – И мрака внутри. Мир, кажется, соткан из тьмы, но что есть свечи? Поступки? Мы? В каждом ли из нас прячется огонь?

Наверху в очередной раз гроыхнуло, и взрыв напомнил Федору, что во дворе Фабрики льется кровь. Ведомые чьим-то приказом осназовцы погибают, пытаясь его «спасти», и их смерть превращает «вечные вопросы» Химики в пафосный бред.

– В вертолете погибли все, – спокойно произнес фабричный лидер, глядя Бергеру в глаза. – Из десятирех пехотинцев живы семеро. Но им лучше уйти.

– Ты мог предотвратить бойню.

– Я запретил москве входить на Фабрику, – ровно ответил Химик. – Они умирают за то, что не послушались.

– А как же концепция Добра?

Химик вздрогнул, провел рукой по короткому ежику волос и признался:

– Я ее не постиг.

* * *

На пятьсот восемьдесят седьмой секунде боевой операции майор Петелин признал поражение.

Прорыв не получился: Кузьма и Ряха сгнули в рукопашной, даже «саранча» не помогла, поскольку защитников оказалось до безумия много. Одетые в одинаковые робы мужчины выскакивали отовсюду. Серые робы, серые лица, плотно сжатые рты и абсолютная, нереальная и непостижимая нечувствительность к боли, к пулям, нереальное презрение к смерти. Далеко не все они оказались вооружены: «дыроделами» и разномастными автоматами могли похвастаться не больше трети серых, остальные обходились ножами, дубинками и лопатами; но фанатизм делал их страшными.

Кузьма и Ряха получили свое, легли во дворе, лишь обозначив прорыв; пришедшие на выручку врезали из «мотыг» и подствольников, проредили толпу, ухитрившись пробиться к телам, но, увидев, что серые сформировали новый вал, поспешили вернуться за стену. Там попали под огонь восстановленного «молотка» и потеряли еще одного бойца – с такой дистанции против снарядов пулемета «Молотов» даже «саранча» бессильна.

К этому времени погибло уже пятеро осназовцев, подствольники опустели, заканчивались патроны, и Петелин приказал отступать к лесу. Своих не оставили: каждый боец тащил на спине погибшего товарища, а потому отступали в рост. Быстро, но в рост.

И удивлялись тому, что защитники не стреляют вслед.

* * *

Удивление?

Разве способно это легковесное слово передать царящий в душе сумбур? Радостное голокружение, оглушительные фанфары, легкий страх – а вдруг все это сон? – гордость за себя, перспективы, возможности...

«ВЛАСТЬ!»

Стены бойлерной сочились трепещущей силой, неведомой, но впечатляюще мощной. А главное – восхитительно дружелюбной, покладистой, ждущей, чтобы крепкая рука уверенно слепила из нее...

«ВЛАСТЬ!»

В шаге. В миллиметре. В одном движении. В одном желании. Скажи: «Хочу» – и достаточно. Законы мира ничего не значат, законы подчиняются Силе, а Сила жадно дышит со всех сторон, прислушиваясь к эмоциям возбужденной девушки. Сила шепчет: «У тебя получится». Сила обещает: «Я знаю как». Сила пишет на оранжевых стенах: «ВЛАСТЬ!»...

– Еще нет.

– Проклятье!

Химик появился вдруг – была у него такая особенность. Возник, как сплетенный дрожанием Силы, невысокий, но страшный, опасный... Однако облик отчего-то принял расстроенный. Жалобный, словно Тара сделала нечто неожиданное и совершенно невообразимое. Нечто такое, что разбило ему сердце.

– Свеча во мраке, – тихо сказал Химик, и его серое лицо стало совсем тусклым.

– Что? – растерялась девушка. Она ждала окрика, ругани, угроз, но уж никак не шелеста печальных слов.

– Я надеялся, что зажег огонек.

«Он рехнулся?»

Химика часто называли сумасшедшим, в основном, естественно, за бесплатную раздачу еды. Тара знала, что за слухами ничего не стоит: в голове фабричного лидера, безусловно, жили тараканы, но на ясность его суждений они влияния не оказывали. Однако сейчас девушка видела перед собой совсем другого Химика: растерянного, подавленного, жалкого, и непонятный его лепет навел Тару на очевидную мысль.

«Он, наконец, спятил?»

Вот почему Сила столь дружелюбна: она чувствует новую хозяйку!

«ВЛАСТЬ!»

– Я помню тебя напуганной, – продолжил фабричный лидер, – озлобленной и напуганной. Я надеялся срезать шелуху зла, но почему-то сумел избавить тебя только от страха. Почему в тебе осталась злость?

– А почему ты спрашиваешь?

– Хочу разобраться, – объяснил Химик. – Я делал все, что ты хотела, я помогал тебе и учил поступать так же, но в тебе сохранилось зло. Я вижу только один ответ: я знаю концепцию, но не понимаю идею. – Пауза. – Что есть добро? Добро есть отзывчивость?

Молчание.

– Добро есть жалость?

– Что?

Он опустился на землю и вдруг оказался сидящим на мохнатом валуне, вросшем в почву рядом с толстым ясенем. Вокруг расстилалась обширная поляна, влажная зелень травы блестя под лучами яркого летнего солнца.

– Во мне нет жалости, – признался Химик, закрывая глаза. – Я помогаю только потому, что это правильно, ведь иначе они умрут. Я помогаю, но ничего не испытываю, а когда они умирают, мне не жаль. – Пауза. – Значит ли это, что во мне нет добра?

«Зато полным-полно безумия!»

– Я накормил тебя, защитил, дал красоту и здоровье, которые ты не растеряла даже вдали от Силы, но ты все равно преисполнена зла. Чего тебе не хватает?

– Мне надоело тебе подчиняться!

– Гордость есть зло? – принял новую тему Химик. – Любопытно... Однако никто не заставит меня поверить, что добро есть склоненная голова. Отсутствие гордости есть страх, а свеча должна гореть, даже если она одна.

– Я тебя ненавижу!

– За что? – удивился фабричный.

– За то, что ты сильнее!

– Значит, все-таки страх...

– Замолчи!

– Или что? – с едва уловимой издевкой осведомился Химик.

И дружелюбие податливой силы заставило Тару выкрикнуть:

– Или я тебя убью!

«Убью!», «Убью!», «Убью!» – эхом пробежало над поляной злое обещание.

На мгновение у Химика опустились уголки губ, но уже в следующий миг он выдавил из себя улыбку и напомнил:

– Я уже умер. Я умер за тебя и всех, кто жив. Я умер, чтобы умерли те, кто стал мертв в тот день и много позже. Я умер и тем погубил бесчисленные жизни, но дал надежду остальным... Я добрый? Или злой?

Ответом стала тишина.

– Какой я?

И девушка вздрогнула, увидев сочащиеся из закрытых глаз слезы.

– Почему смерть обходит меня стороной? Испугалась того, что я натворил? Не справилась с миллионами душ, которые я ей отправил? Или она меня презирает?

– Ты хочешь умереть? – Тара кашлянула, прочищая горло, и закончила уверенно: – Я могу помочь.

И в кулаке ее, подчиняясь воле и желанию, сформировался туманный шарик, переполненный невиданной энергией.

– Ты знаешь, что не можешь.

– Сила со мной, – уверенно произнесла девушка, чувствуя сладкое покалывание энергетических иголок шара. – Она выбрала живое.

– Она выбирает по другим критериям.

– По каким?

– «За огонек во мраке можно простить все», – процитировал Химик. – Это следующий постулат Милостивого Владыки, но смысл его доступен лишь тем, кто постиг предыдущий.

– Просто поверь, – предложила Тара, медленно приближаясь к сидящему на валуне лидеру.

– Я устал верить, – ответил тот. – Я хочу разобраться.

– В чем?

Она боялась бросать туманный шарик издали, опасалась подвоха и решила подступить как можно ближе. На три или два метра. Решила не рисковать.

– Я не умер, – объяснил Химик.

Девушка сделала шаг.

– И это не просто так. Меня оставили зачем-то. Возможно, что-то исправить... Или понять...

– Ты уверен?

Еще один шаг.

– Пожалей меня, – попросил Химик.

– Что? – растерялась Тара.

– Пожалей меня, – повторил серый. – Пожалуйста. Мне очень тяжело.

– Я могу все это остановить, – пообещала опомнившаяся девушка.

Третий шаг. Пора. Сила бурлит.

– Не тебе решать.

Туманный шарик взвивается в воздух.

И повисает.

Химик распахивает глаза.

А в следующий миг Тара понимает две вещи. Первое: таких глаз, как сейчас у Химики – огромных, втрое больше обыкновенного и пронзительно алых, словно пылающая огнем кровь, – ей еще не доводилось видеть. Второе: Сила отнюдь не дружелюбна.

– Нет... – шепчет девушка.

И падает во тьму, порожденную дьявольскими глазами Химики.

И слышит сквозь гудение смерти заданный ровным тоном вопрос:

«Какой я?»

* * *

– Доложите обстановку!

– Вертушка сгорела, мы заняли позицию на опушке леса, – устало ответил Петелин. – Требуется эвакуация.

– Сколько вас?

– Пятеро. – Короткая пауза. – И пять тел.

– Где полковник Шишкин?

– Погиб.

– Бергер?

– До сих пор на Фабрике.

– Кто приказал начать операцию?

– Шишкин.

На той стороне негромко выругались, после чего чуть тише добавили:

– Продержитесь два часа, помощь идет.

– К ним тоже, – угрюмо заметил капитан Тихонов, кивая на дорогу. – Укрепляются.

Петелин резко обернулся, рассчитывая увидеть вооруженный конвой, а разглядел лишь четыре телеги, медленно приближающиеся к бетонным преградам. К квадратным глыбам, щербатым от пуль, что грызли их несколько минут назад; выпачканным брызгами крови; теплым от взрывов гранат. У третьего блока слева срубило Сокола, там осталась его «мотыга». Но сидящие в телегах люди ничего об этом не знали. И не факт, что открывающие ворота серые им об этом расскажут.

– Это не подмога, – угрюмо произнес Петелин. – Они приехали за едой.

Жизнь продолжалась.

* * *

– Тара думала, что все поняла, поскольку мыслила кубиками, готовыми формами, – медленно произнес Химик, глядя на вышедшего из-за ясеня Бергера. Глаза фабричного стали обыкновенными чуть раньше, когда порожденная ими тьма доглодала девушку. – Тара мыслила так, как требует от вас мозг. Ты ведь знаешь, что мозг – большой лентяй, не так ли?

– Читал об этом.

Расправа не произвела на Бергера особенного впечатления: он знал, что Химик сильнее Тары; но вот философских высказываний не ожидал.

– Поэтому Милостивый Владыка запрещает записывать постулаты: заставляет тренировать мозг, не позволяет успокоиться.

– Чего не поняла Тара?

– То, что я – это место; это место – я. Все, что ты видишь вокруг, – это мир, создавший меня из себя, ибо в нем было слишком много меня. Мы уткнулись в ничто, извернулись, сплелись, напитались, стали сильными, но оказались втиснутыми в бойлерную. Я создатель этого мира, его господин и раб. Я все и никто, но не понимаю: какой я?

– Ты можешь говорить по-русски?

– Ты не удивился, – медленно произнес Химик. – Я показал тебе место Силы, показал часть ее возможностей, упомянул Владыку... Тебе было интересно, безумно интересно, но ты не удивился. – Пауза. Жесткий взгляд впивается в Федора. – Я не один!

Конечно, нет.

Этнограф потер виски, после чего ответил Химику не менее жестким взглядом:

– Мы прогнозируем существование восьми Точек Отражения.

– Что это такое?

– Они же «аномалия ноль», – добавил Бергер.

– Что это?

– Восемь Врат – восемь зон. Энергии оказалось так много, что хватило не только на создание переходов в другие миры – часть ее вырвалась за пределы Станции и связала точку Земли...

Пауза. Очень долгая пауза.

– С чем? – не выдержал Химик.

– Мы не разобрались, – честно признался этнограф. – Энергетический поток подвергся воздействию, должен был исчезнуть, развеяться, но вместо этого возникли замкнутые, переполненные энергией лакуны, внутри которых нарушены все возможные законы мироздания. Точнее, не нарушены, но поставлены в зависимость от желания... Гм... От желания тех, кто управляет...

И снова пауза. На этот раз еще длиннее, однако на этот раз фабричный не ждал продолжения. Он его знал.

– В каждой Точке живут мои братья.

– Восемь Врат в другие миры, восемь Точек Отражения, восемь прелатов, – угрюмо подтвердил Бергер. – Точнее...

– То, что от нас осталось, – не менее мрачно закончил Химик. И криво улыбнулся: – Я знаю, что мертв.

– А некоторые не знают. Или мстят за то, что мертвы. Или за то, что принесли себя в жертву. Некоторые...

– Замолчи!

– Некоторые потеряли веру и несут зло, – закончил Бергер. – Извини, Химик, но далеко не все твои братья пытаются осмыслить самый короткий постулат Владыки.

- Что ты еще знаешь о нас? – посопев, осведомился фабричный лидер.
- Проявления в каждой аномалии разные, но в основе Точек лежит одна концепция, понять которую мы пока не в силах.
- Даже Патриция?
- Даже Госпожа, – подтвердил Федор. И тут же с гордостью добавил: – Но одну Точку мы уничтожили.
- За что?
- Превышен допустимый уровень агрессии.
- Не поняли, но убили, – вздохнул Химик.
- Главное, что у нас получилось. Точка несла слишком большую опасность, гибли люди.
- Не рассказывай мне о гибели, – попросил фабричный. – Ни мне, ни Патриции. Мы знаем об этом лучше тебя.
- Тогда расскажи, что ты теперь такое? – предложил Бергер.
- Ты ищешь не там, – качнул головой Химик. – Нужно узнавать не что я, а какой я? Какие мы? Ибо это даст ответ на вопрос: для чего мы? – Резкий взгляд и вопрос, будто удар хлыста: – Неужели не понял?
- Мы оба пытаемся постичь то, что лежит за гранью нашего понимания, – тихо и медленно ответил Федор.
- «Концепция Добра – свеча во мраке», – тихо произнес Химик. – Это единственный постулат Милостивого Владыки, который оказался не по зубам многим прелатам. А он улыбался и говорил, что нет ничего сложнее, чем разгонять мрак. – Пауза. – Я хочу постичь концепцию, которая ускользала от меня все эти годы. Я хочу узнать, смогу ли я стать тем, кем еще не понимаю? Сможет ли мертвая свеча гореть там, где отказываются полахать живые?
- Я расскажу об этом Госпоже, – пообещал Федор.
- Спасибо, – улыбнулся Химик и повторил: – Спасибо.

Андрей Фролов Облава

Июльский ливень, добрую половину ночи вымывавший жару с улиц анклава, стихал.

По бронированной крыше барабанило все реже. Жирные тучи, отцепившись от небоскребов, уплывали на восток. Прислушиваясь к прощальным аккордам стихии, Доминик Траоре мысленно возблагодарил Богородицу. Суетливым жестом начертил крестик на смолисто-черном лбу, вознес короткую молитву.

Выходить на работу под проливной отравой не хотелось, даже при наличии глухого шлема и плотного прорезиненного комбинезона. Умом Траоре понимал, что его опасения беспочвенны – радиоактивного йода-131 и других ядов за последние пару лет специалисты по бактобезу находили в осадках все меньше.

Однако сердцем француз трепетал – разговоры в казармах ходили такие, что волей-неволей задумаешься. Поверишь. И не захочешь соваться на улицы, когда с небес падают тонны воды, несущей болезни и отложенную во времени смерть...

Слева и справа щелкали магазины – товарищи завершали смотр оружия. Выбросив из головы и дождь, и радиацию, Доминик отстегнул магазин компактного «сарбакана», совместно разработанного «МосТехом» и «Ругером» лет за шесть до Инцидента. Проверил ход затвора, переключатель огня, надежность подключения тонкого шнурика, убогавшего под наплечник, и уже оттуда – в затылок, где гнездилась «балалайка».

Примкнув магазин, поставил винтовку на пол, зажав оружие коленями. Еще раз ощупал подсумки с запасными магазинами, застежку на кобуре с двадцатизарядным «зиг-зауэром». Провел ладонью по гирлянде светошумовых гранат на поясе.

– Готовность две минуты, беспозвоночные! – громынуло из кабины, оборудованной как центр управления операцией.

Кто-то хихикнул. Кто-то показал кабине неприличный жест. Уперев черный, с нежно-бежевой подушечкой мизинец в титапластовый наколенник, Доминик двинул курсор по главному наноэкрану. Пробежался по боевым программам, оценил высокое качество подключения к отрядной сети и скорость развертывания тактических карт.

Прижав указательный палец к нижнему левому веку, осторожно выдвинул из-под него специальную линзу, заслоняя карюю роговицу кругляшом цвета расплавленного серебра. Активировал тепловизорный режим окуляра, настроил трехкратное увеличение, переключился на фильтр обнаружения бесцветного газа. Настройками остался доволен. Поморгал, позволяя линзе сесть поудобнее, натянул перчатки.

Слева мягко щелкал затвором пистолета напарник Доминика – кучерявый Фазиль Джабир, два года назад переведенный из центрального филиала СБА за происшествие, в котором участвовали два «истинных арийца», нож и привлекательная стриптизерша.

Убедившись, что Джабир всецело поглощен инспекцией оружия, Траоре вынул из-за бронжилета образок Святого Мботы. Поцеловал украдкой, спрятав за горжет доспеха.

Потерять оберег Доминик не имел права, золоченая подвеска была одной из немногих вещей, оставшихся в наследство от матушки. А ведь именно чутью седовласой Мабинтоу Траоре он был обязан тем, что до сих пор топтал землю, в то время как миллионы грешников и праведников почти четыре года назад с одинаковой скоростью отправились к вратам Рая на суд Тринадцати Пантеонов...

Как матушка смогла почувствовать приближение катастрофы, Доминик так и не выяснил. Но когда погожим майским днем скрюченная артритом маммие Мабинтоу безапелляционно приказала покинуть Марсель и перевестись во франкфуртское отделение, искренне

любящий сын послушался. Затем «мир содрогнулся», как любили писать бесталанные газетчики. Еще через полгода, уже в анклав Франкфурт, матушка умерла от новой формы гриппа, кружившего по разрушенной Европе в черном вальсе...

Фазиль церемонию с целованием образа все же заметил. Наблюдательный гад, ему бы в дознании работать... Спрятал оружие в кобуру, с ухмылкой повернулся к напарнику. Правый глаз его лучился исконно немецкой синевой, левый блестел серебряным окуляром.

– Нервничаешь, бро?

– Вот еще, – как можно спокойнее отвечивал Траоре, лениво изгибая бровь. – Не впервой...

– Я тоже нервничаю. – Джабир понимающе кивнул. И добавил тише, чтобы не расслышал сержант Куру, сидящий еще левее: – Надеюсь, «шишки» смогли договориться с бандитами... Знаешь, бро, никогда не мечтал наткнуться на «ревуны», укрытые за баррикадами из мусора...

Доминик нахмурился, проведя рукой по груди бронезилета, под которой холодил шоколадную кожу темно-желтый амулет. Волнения Траоре действительно не испытывал, оперативная работа – дело привычное.

Однако и ледяным спокойствием переполющаться тоже не спешил, невольно злясь на высоких боссов. Чтобы отыскать одного-единственного человека и не допустить потерь – как среди безов, так и среди мирного населения, – наиболее эффективной представлялась стратегия оцепления и просеивания.

Причина отказа от такого плана была предельно проста – у франкфуртского отделения СБА элементарно не хватало сил. Тут бы за постоянными беспорядками присматривать да производства верхолазов охранять, о какой полномасштабной операции может идти речь?

Внедрить в «Приют» агентов в гражданском, чтобы тихо вывести объект под прикрытие бронемашин? Да, такой подход, с точки зрения Доминика, был более оправдан. Но напоминал тактику Артура Скотта, на которого Траоре работал в марсельском филиале, нежели слабовольного и нерешительного Карла Мэнсона...

– Чтоб тебе пусто было, дурень, – покачал головой Доминик, поднимая руку и на ощупь снимая с крепежа на стене тактический шлем. – Язык без костей...

– Перестань, бро! – презрительно скривившись, отмахнулся Фазиль, тоже снимая со стойки шлем и скрывая темные кудри титапластовой броней. – Что за суеверия? Войдем, найдем, выйдем, делов-то?..

– А ну, рахитные, отставить разговоры!

По ребристому металлическому полу визгливо заголосили подошвы – лейтенант Ледоруб выбрался из командного пункта, вышагивая по фургону и злобно посматривая на подчиненных.

После перевода парни из второго взвода доверительно сообщили Доминику, что это – напускная злость. Что, дескать, своих бойцов Ледоруб любит, словно родных детей. Но проверять достоверность слуха не решался ни сам Траоре, ни кто-то иной. А коллеги из третьего звена любили упоминать, что ожесточение командира обусловлено происхождением. Тот, впрочем, от домыслов отмахивался с только ему присущей экспрессией.

– Я не русский, сколько можно повторять?! – узнавая о предмете обсуждения, рычал Ледоруб, сверкая холодными глазками. – Я москвич, неужели запомнить сложно, одноклеточные?! Еще раз услышу – заставлю неделю патрулировать Сумеречный Квартал!

Разговоры, впрочем, стихали при первом появлении лейтенанта, еще до того, как тот повышал голос. Вот и сейчас бойцы подтянулись, вздернули подбородки, а затем все шестеро уставились в точку перед собой, ожидая напутственного слова.

– Значит, так...

Ледоруб добрался до десантной аппарели в корме фургона. Резко развернулся на пятках, двинулся обратно. Места для прогулки офицера хватало – транспорт был рассчитан на перевозку двадцати оперативников, сейчас не загруженный и наполовину.

– Периметр рвем в трех местах, согласно инструкциям, – пробасил москвич, закладывая руки за спину. – Охрану убираем предельно тихо. Работаем парами, из запланированных секторов ответственности не вырываемся.

Он дошагал до узкой дверцы в командный центр. Включил панель коммуникатора над притолокой, начал тыкать в сенсорный экран крючковатым пальцем. Информацию, одновременно всплывающую на панели и глазных дисплеях отряда, комментировал неторопливо, старательно проговаривая фразы с забавным русским акцентом. Под крышей фургона грозно звенели согласные, сталкивающиеся на стыке слов.

– Цель и сопроводительная информация сброшена в ваши «балалайки». Там же обозначена тактическая задача. – Управляемые извне, в «балалайке» Доминика вскрылись сразу несколько окон с актуальными файлами. Ледоруб увеличил фото объекта, постучав по комму костяшками пальцев. – И помните, криворукие... если с этого парня упадет хоть один волосок, директор Мэнсон снимет мой лысый скальп. Но перед этим я возьму самый тупой нож в арсенале и с удовольствием проскальпирую виновников. Ясно?

Длинный бронированный грузовик СБА взорвался дружным ревом шести глоток. Еще дюжина бойцов, выслушивающих инструктаж на общем отрядном канале, вторили им через сеть, заставляя каждого беза чувствовать себя частью единого целого.

– Да, лейтенант Ледоруб! Так точно!

– Гражданских изолируем по нормам, – продолжал тот, и Траоре точно знал, что при всей неторопливости офицер обязательно уложится в несколько оставшихся до высадки минут. – Если нужно, применяем нелетальное оружие. Бандитов чистим, но без фанатизма и лишних жертв. «Головастики» готовы?

Сети как таковой комплекс, конечно, не имел. Но хранил в своем вонючем брюхе немало тех, кто мог наладить собственную сеть наблюдения или систему сигнализации. А это означало, что без поддержки штатных машинистов не обойтись, с каким бы презрением лейтенант к лысоголовым выродкам ни относился...

Машинисты, курирующие операцию, подтвердили готовность. Прямолинейному москвичу они платили той же монетой, даже не пытались имитировать приязнь или уважение.

Траоре почувствовал на себе взгляд напарника.

Он не понимал, каким образом Фазиль вообще сумел посмотреть направо, вместе с остальными изучая пространство перед собой. Но тот совершенно точно покосился на Доминика, словно намекая – «шишки» не договорились, бро, жди беды...

– Это все, дамы! – выключив коммуникатор, Ледоруб повернулся в салон. – Начать операцию, и не заставляйте меня повторять!

С места сорвались одновременно – Траоре и Ханзен, сидящие друг напротив друга ближе всего к аппарели. Та, вздрогнув, плавно и быстро опустилась в июльскую ночь, с легким скрежетом прижимаясь краем к мокрому асфальту.

Шестеро безов, облаченных в черные комбинезоны и темно-серую броню с эмблемами СБА, рысцой выскочили из фургона. Маркеры на карте сообщили, что два других отряда тоже покинули транспорты, колоннами по одному двинувшись к кварталу.

Доминик, подняв «сарбакан» и прильнув к прицелу, шел первым. За его спиной, положив одну руку на плечо напарника, семенил Фазиль.

Жилой массив «Райский приют страждущих» никоим образом не оправдывал пафосного названия. Комплекс разновысотных многоквартирных блоков, соединенных в единую квартальную систему, походил на бесформенную гору обломков, высыпанную на пустырь с огром-

ной высоты. От падения часть секций конструктора покосилась, какие-то остались без рухнувших крыш или обвалившихся внешних стен.

Наиболее уцелевшую после Дня Станции часть муравейника его жители худо-бедно подлатали. С помощью мусорных баррикад, бетонных блоков, листов фанеры и жести они превратили несколько сотен тысяч квадратных метров трущоб в закрытую зону, ставшую домом самым низшим слоям общества. Территорией отщепенцев и изгоев, паразитирующих в системе мегаполиса.

Официально электричества «Райский приют» у анклава почти не требовал. Веерные отключения и пострадавшая в Инциденте сеть электроснабжения украли у «страждущих» последнюю надежду на размеренную цивилизованную жизнь. И тогда местные жители взялись за дело сами. Установили на крышах солнечные накопители. Возвели неустойчивые мачты ветряков. Протянули паутину нелегальных проводов, воруя электричество из магистралей, ведущих к более обеспеченным районам.

На раздачу, что неудивительно, встали бандиты.

Вот уже третий год группировка Стального Рольфа не только отвечала за распределение драгоценной энергии, позволяя муравьям раз в сутки включать микроволновки и водонагреватели. Она также стала нелегальной службой безопасности, взяв под крыло торговлю наркотиками, проституцию и азартные игры, процветавшие в недрах «Райского приюта». «Увальни» Стального Рольфа превратились в полицейских, судьей, налоговых инспекторов и службу санитарного контроля в одном лице.

Безы, так же, как в любых других анклавах мира, в личную кормушку бандитов лезть не спешили. Уличные патрули исправно получали условленную мзду, отшивая от квартала чужие бандформирования. Высшие офицеры время от времени проводили показательные рейды, причем списки отловленных и демонстративно наказуемых составлялись заблаговременно при учете интересов обеих сторон...

Людская цепочка быстро двигалась через переулочек, приближаясь к границам «Приюта». На выходе из закоулочка Доминик припал на колени, взяв вход в жилой комплекс на прицел. Под ногой плеснуло, он угодил в свежую лужу, брезгливо задумавшись о предстоящем карантине.

Джабир навис над плечом, коротко махнув снайперам. Сержант Куру и его напарник, вооруженные удлиненными винтовками, тут же сместились правее, занимая позиции.

Тепловизоры сообщали Траоре, что на входе в «Райский приют» дежурят двое. Они прогуливались за бетонными блоками, наваленными так, чтобы застопорить крупногабаритную технику, но оставить лазейку мотоциклу или юркому мобиле.

Черные силуэты «дрелей» перечеркивали светящиеся фигуры, не оставляя никаких сомнений о принадлежности и роде занятий мужчин. «Увальни» Рольфа, стерегущие ворота «райских куш» от чужаков и залетных уголовников, курили и изнывали от влажной ночной духоты.

К северу и юго-востоку от нищего квартала снимать часовых готовились стрелки из второго и третьего отделений. Безов последнего, к зависти и подспудной тревоге Доминика, даже облачили в «саранчу». Почти фронтную, со специальным маскировочным нанопокрывом, позволявшим регулировать окрас бронекостюма.

Конечно, если Фазиль прав и им предстоит встреча с «ревунами», от разрывных не спасет и ИБК. Но в тактической броне все равно спокойнее, чем в легких бронежилетах и титанопластовых наручах-поножах...

– Огонь! – через сеть скомандовал Ледоруб, координирующий действия групп в режиме реального времени.

Винтовки с усиленными стволами и увеличенной точностью огня щелкнули негромко и сдавленно. Этот звук всегда напоминал Траоре последний «тявк» задавленного мобилем щенка – короткий, жалкий.

Несмотря на то что сторожа Рольфа старались из-за бетонных блоков не высовываться, пули нашли свою цель, с интервалом в долю секунды раздробив головы «увальной». Стрелки южной и северной групп тут же отчитались об успехе.

– Вперед! – приказал Куру, первым двинувшись к опустевшим воротам.

Разбившись на пары – один впереди, второй в правом пеленге на шаг позади, – группа устремилась следом, внимательно осматривая пустой пятак перед въездом в «Приют». Стояла половина четвертого, так называемый «час волка», безлюдный и наполненный тенями, не имеющими к живым никакого отношения...

Двигаясь колонной, змейка безов втянулась в ворота квартала.

Балкон, сооруженный из старых рекламных щитов, был пуст, как, впрочем, и обнаруженный под ним блиндаж. Переступив через убитых «увальной» – короткие пистолет-пулеметы, украденные с полицейских складов Европейского союза рации, на лицах и руках татуировки преступного клана, – отряд Куру проник в первый внутренний двор.

Рассыпались по периметру, бесшумные и невидимые. Осмотрелись.

Скелет «Райского приюта» его обитатели после Дня Станции восстанавливали как могли. Укрепляли треснувшие стены, монтировали переходные мостки там, где это было наиболее удобно и эффективно, собирали из обгоревших обломков ларьки и палатки, в которых днем торговали едой или нанимали на поденную работу.

Выглядело все примитивно, грубо, угловато, как построенный из одеял и стульев детский домик. Однако примитивизм этого «домика» казался обманчивым даже на первый взгляд – внутри «Приют» являлся настоящим лабиринтом, с многочисленными жилыми зонами, площадками для общих сборов, проездами для электрокаров и «элитными» апартаментами в наиболее уцелевших блоках.

Обитателей не наблюдалось.

Раздавался из открытых окон на четвертом этаже раскатистый богатырский храп, да пьяно спорили на шестом справа от входа.

Траоре повел плечами, словно вместо июля резко угодил в январь.

В Марселе он тоже бывал в рейдах на территории, где скрывались уголовники, беглые заключенные из султаната, торговцы поддельными «балалайками», наркопроизводители и серийные убийцы. Но сейчас, через несколько лет после всемирной катастрофы, очередной притон казался ему Адом на Земле, квинтэссенцией самого мерзкого, багряно-влажного, продажного и циничного, что может воплощать человек.

Он вдруг осознал, что группа Куру только что вошла в нарыв на теле Франкфурта, который стоило удалить, как давно сгнивший зуб...

Фазиль и Ханзен отделились от основного отряда, крепя на стены черные груши «радионянь». Если кому-то из местных приспичит по нужде и он выберется из своей вонючей берлоги, его «таблетка» начнет нестерпимо зудеть. Счастливчики, обладавшие персональными чипами, вступив в радиус охвата «няни», вместо зуда обнаружат несанкционированное звуковое сообщение, поступившее на «балалайку» от передатчика.

– Внимание, сохраняйте спокойствие! – прозвучит в их головах мягкий женский голос. – Вы находитесь в зоне проведения силовой операции местного отделения СБА. Не пытайтесь бежать или сопротивляться. Ложитесь на землю, деактивируйте личный чип, закройте голову руками и ожидайте появления наших сотрудников. Напоминаем, что любые активные действия, как то: резкие жесты, бег, выкрики, бросание предметов или любая демонстрация агрессии – будут расценены сотрудниками СБА как нападение.

Ледоруб негромко вещал на общем канале. Отдавал распоряжения, без которых сержанты вполне могли обойтись. Еще раз напоминал о высочайшей ценности искомого объекта. Не удержавшись, Доминик снова взглянул в лицо на фотографии.

Фас, анфас на фоне ростовой линейки. Худой белый мужчина, на вид лет сорок – сорок пять, но точнее не определить. Длинные светлые волосы, серые глаза, острый подбородок. Фото сделано в цюрихском отделении СБА, а сопроводительные титры гласили, что задержанный по имени Алпай ибн Хугель имеет два привода: за пособничество в изготовлении нелегальных препаратов и сопротивление представителю власти.

Цепь безов распалась на три пары.

Обогнули площадь, внося в трехмерную архитектурную программу чипов изменения, о которых «головастики» не могли знать. Новая лестница вдоль стены, достигающая аж девятого этажа. Три новых подвесных моста, один из которых имеет раздвижной пролет. Полусобраный из листов пластика гараж на несколько машиномест. Муравейник жил, развивался, строил сам себя...

Посреди площадей и на широких проспектах, не прикрытых тентами, темнели свежие лужи. Пахло прогорклым жиром, паленой резиной и прорванной канализацией. Фазиль, чья рука все еще лежала на плече напарника, пристукнул по бронепластику, направляя Доминика в ближайший поворот.

Заглянули, повели стволами «сарбаканов».

Пусто.

На картах высветились «зоны ответственности» трех отрядов, которые предстояло прочесать. Тихо, по возможности без боя. Предполагаемое месторасположение ибн Хугеля вспыхнуло желтым маячком – центральная зона «Приюта», вероятность нахождения на верхних ярусах 13 %, средних – 46 %. Подвальные помещения – весомые 41 %.

Сквозь тонкие стенки жилых блоков ровным оранжево-красным спектром мерцали силуэты спящих. Доминик отметил их численность, повторно поразившись, как вообще можно жить в настолько грязной и людной коммуне. Словно вши, гнездящиеся в волосах. Словно крысы. Словно улей, полный немытых, ни на что не годных трутней...

Темнокожему безу было жалко этих людей. За их беспомощность, бесполезность, неудачливость и обреченность, с которой они доживали отведенный век, пытались воспитывать детей и добывать пропитание.

– Фазиль?

– Да, бро?

– А чего этот мужик вообще учудил? Ну, Алпай. Ты его приводе видел?

Двое безов медленно брели по левому флангу «зоны ответственности», поглядывая по сторонам, прикрывая остальных и не забывая развешивать передатчики с посланием о начале операции СБА.

– Да бес его знает... – Джабир резко развернулся, одарив проклятием мелькнувшую в прицеле кошку. – Если нас послали, значит, правдивы сплетни. Не станет Ледоруб три тактических звена в логово Рольфа посылать за мелкой сошкой. Просекаешь, бро?

– Тем более знать хочется... – Доминик говорил через «балалайку», трансформирующую тихие голосовые вибрации в членораздельную речь. – Может, он в «Мидгард» подался взрывчатку собирать? Найдем мы его, а у него в комнате шесть тонн напалстера...

– И кто там меня в мнительности обвинял? – Фазиль усмехнулся. – Кое-что слышал, врать не буду. Но за достоверность тоже не поручусь.

Пара продолжала движение, протоколируя численность обнаруженных тепловизорами объектов и стараясь не хрустеть мелким мусором под ногами. Куру дал сигнал остановиться. Замерли, спрятавшись в тени, окончательно растворившей черные силуэты в ночной мгле.

Дуэт Ханзена наткнулся на местных. Двоих бодрствующих. Не бандитов, к счастью, на обычное отребье. Несчастную парочку тут же скрутили, уронив в лужи, сцепили руки, залепили рты.

Группа двинулась дальше. Доминик отметил, что начинает светать.

– Что ты знаешь про синдин? – возобновляя прерванный разговор, поинтересовался Джабир на личном канале их боевой единицы.

– Спросил тоже! – фыркнул француз.

И тут же задумался.

Про наркотик, которым пользовались ломщики, было известно очень много. Книгу написать можно. И в то же время – ничего. Слухи, сплетни, донесения агентов СБА, сухие отчеты врачей, сетевые мифы.

Синдин – это некая отравя, раскрепощающая сознание машинистов до немыслимых пределов. Помогающая «головастикам» творить в виртуальности, достигать нирваны, сливаться с железками в экстазе. Вызывающая привыкание. Вызывающая смертельную болезнь у определенного процента наркозависимых. Болезнь злую, неторопливую, но неизлечимую, несмотря на невероятное развитие медицины.

Состав отравы оставался неизвестен – человек, синтезировавший препарат, давно канул в Лету. Без его секретной рецептуры тритоны лезли на стены, перебиваясь рискованной варкой «динамита».

Свои измышления Траоре негромко озвучил товарищу. Тот согласно хмыкнул.

– Что-то вроде того, бро. Еще я слышал, что он провоцирует бессонницу и от частого приема болт не стоит, но это уже частности...

Двойка обогнула тентовую палатку, где днем жарили шашлыки из крыс. Куру и его напарник на другой стороне улицы скрутили одетую в лохмотья тетку, выбравшуюся из покосившегося шалаша с утра пораньше на сбор мусора. В остальном «Приют» оставался вымершим, будто детский летний лагерь после команды «отбой». Траоре задумался, что после крушения благ цивилизации немалая часть человечества вернулась к ритму жизни, характерному для пещерных людей...

– Так вот, бро, – продолжил Фазиль, когда связанную женщину аккуратно спрятали под ребристый лист шифера. – Говорят, наш парень научился лечить смертельно больных торчков, просекаешь?

– Да ладно?!

Доминик даже остановился, вложив в короткую фразу все испытываемое им недоверие. Джабир, однако, совсем не собирался критиковать напарника за эту заминку. Привалился к стене, сканируя третий и четвертый этажи жилого блока напротив.

– Ага. – Он пожал плечами, но бронезилет не позволил движению стать естественным. – Говорят, его пасли по всем ночлежкам анклава. И сегодня вечером, точно перед ливнем, засекли в «Приюте». Потому и спешка...

– Святые Пантеоны... – Траоре закусил губу, радуясь, что забрало шлема скрывает его растерянность. – Так ведь если это *правда*, нужно было посылать сюда целый батальон.

– Наверное, ты прав, бро. – Фазиль вернул портативный сканер на пояс. – Но директор Мэнсон никогда не любил шумиху. В общем, как было сказано ранее – войдем, обнаружим, схватим и вытащим...

– Внимание! – распорядился сержант. – Распределяемся по уровням. Моя пара идет под землей. Ханзен – средние этажи. Траоре, двигайте вверх.

Двойки тут же рассредоточились.

Доминик и Фазиль, по-прежнему держась литым двухголовым существом, свернули на лестницу, по внешней стене блока поднимаясь к переходным мосткам над улицей. Миновали помещение, в котором когда-то располагался спортивный зал. Прошли сквозь пустую анфиладу, в прошлом состоящую из моленных разных конфессий.

Навстречу попался мужчина.

Вывернул из пролома, проделанного в стене и выводящего на балкон, оказавшись с безами нос к носу. «Увальень», о чем красноречиво сообщала кожаная сбруя с двумя «дыроделами» и широким ножом.

Доминик тут же рванулся вперед, не позволяя бандиту опомниться. Ударил ребром ладони в кадык, скользнул противнику за спину, зажал ладонью рот и пальцами вцепился в горло. Джабир четко, как на тренировке, ухватил «увальня» за руки спереди, не позволяя сбросить захват напарника, дотянуться до ножа или рации.

Страж «Приюта» бился, мыча и задыхаясь, почти минуту. Затем обмяк, потяжелел. Сорвав с пояса прорезиненную затяжку, Доминик перехватил кисти «увальня» у него за спиной. Фазиль шлепнул на губы бандита липкую накладку, мгновенно присохшую к усам. Бесшумно уложив тело на решетки балкона, напарники сунулись в дверь. И тут же столкнулись с приятелем оглушенного...

Удар самодельного, brutального мачете пришелся Фазилю в шлем. Скользнул по обтекаемому сферокону, лягнул по левому наплечнику. А затем бандит отпрыгнул и дико закричал, продолжая выписывать клинком замысловатые восьмерки.

Крик прокатился по коридорам блока.

Проник в комнаты, выплеснулся наружу, отразился от бетонных стен.

Ругаясь, Джабир бросился в атаку, сокращая дистанцию и метя прикладом в голову. Промахнулся, получил еще один удар в прикрытое пластиной бедро. Доминик, через чип активировав подствольник, тут же всадил в грудь «увальня» заряд шокера.

Крупный, похожий на пулю XIX века эллипс по сути был крохотной батареей Ллейтона. Только вот привычные аккумуляторы, соприкасаясь с препятствием, хранимую энергию не выплескивали. Сотня киловольт, перетекшие в вооруженного мачете бандита, разом оборвали и вопль, и блеск оружия. Выронив корявый, выточенный из листового титана клинок, мужик рухнул навзничь.

– Слабохарактерный ты, бро! – Фазиль подскочил к обездвиженному противнику, вминая носок армейского сабатона в хрустнувшие ребра. – Надо было пулей, этих не жалко...

А затем Доминик заметил, что тревогу умудрились поднять не только они...

На карте вспыхнуло сразу в двух местах – третье отделение тоже вступило в боевой контакт. Замигали маркеры, в ушах зарокотал акцент Ледоруба. Стало слышно, как на юго-востоке комплекса заработали винтовки.

Улей всколыхнулся, словно ждал повода, только притворяясь спящим.

Загудел, застонал, вышвырнул из комнат перепуганных людишек. Самые умные вжимались в продавленные матрасы, прикрывая головы. Поглупее рвались наружу, сталкиваясь в проходах и расшибая лбы. «Увальни» Рольфа врубили гнусавую сирену, в которой уже не было нужды – на экране тепловизора Доминик видел десятки вооруженных, бегущих к заранее определенным при налете постам...

Стадия скрытного проникновения завершилась, и со всех сторон тут же загрохотало – не успевшие разобраться в происходящем, разъяренные наглостью безов, взбудораженные вторжением «увальни» принялись стрелять, не обращая внимания на предупреждения «радионянь».

– Началось, просекаешь? – хохотнул Фазиль, ловя в прицел то одного, то другого местного, выбегавшего из квартир. – А ну, доходяги, на пол! Быстро на пол, выродки, а то перестреляю! Куда?! Лежать, я сказал...

Они проникли глубоко внутрь жилого блока и теперь едва успевали грозить жителям «Приюта» винтовками, вынуждая падать на животы и закрываться руками. Над одним из них Джабир присел на колени, выдергивая из-под наруча гибкий лист электронной бумаги. На нем, как и у остальных членов облавы, виднелся портрет ибн Хугеля.

– Сюда смотреть, гаденыш! – Оставив «сарбакан» висеть на груди стволом вниз, Фазиль ухватил аборигена за сальные волосы, запрокидывая голову и ткнув в фото носом. – Знаешь его? Где живет, дерьмо ослиное?! Отвечать быстро, не задумываться! Быстро говори, сволочь, а то башку снесу!

Житель «Райского приюта», спросонья перепуганный до икоты, сначала лишь подвывал и пускал слюнявые пузыри. Но когда без дернул за патлы, чуть не свернув шею, все же обрел голос:

– Видел его, видел! Только не бей, командир!.. Все скажу... Он в лепрозории!

– Где?! – Фазиль откинул забрало шлема, чтобы несчастному были видны его налитые кровью глаза. – Что за лепрозорий?!

– Центральная башня, где «увальни» живут... – Пленник зарыдал, кусая губы. – Там наверху Стальной Рольф минусов поселил, много... Использует для своих делишек, «динамитом» качает, пока совсем не сгнивают...

– Час лежать, не двигаться! – рявкнул Фазиль, вжимая голову допрошенного в пол. – Кто встанет, завалю! – Последний приказ предназначался всем, кто имел неосторожность оказаться в коридоре. – Внимание, это рядовой Джабир...

Без вышел на общий канал, передавая разведанную информацию всем соединениям и лейтенанту. Отметил на карте предполагаемое укрытие объекта, в немалой степени совпадавшее с версиями аналитиков. Доминик, все это время контролировавший коридор и выходы из квартир, поднялся с колена. Пара продолжила движение, рыча на всякого, кто попадался навстречу...

Новорожденный рассвет за окнами отрезало – на квартал надвинулась тень патрульного дирижабля. Наползла, подминая предрассветную таинственность угольной чернотой, сконцентрированной под брюхом сигаровидной гондолы. Из динамиков по «Приюту страждущих» ударило:

– Внимание, сохраняйте спокойствие! Вы находитесь в зоне проведения силовой операции местного отделения СБА...

Кто-то из «увальней» снаружи принялся стрелять вверх. Из гаража, замаскированного листами жести, с жужжанием мотора вырвался электрифицированный пикап, в кузове которого – Фазиль, наблюдавший за происходящим через многочисленные камеры цеппелина, едко выругался – вертелся штативный «ревун». Орудийные системы воздушного гиганта тут же распознали тяжелое вооружение, и на площадку перед гаражом рухнула управляемая ракета...

Доминик и Фазиль миновали жилой блок.

Поднялись еще на два уровня, стараясь не отрываться от двойки Ханзена, прочесывающей «Приют» четырьмя этажами ниже. Там стреляли, причем часто и не жалея боеприпасов. А вскоре нажать на спусковой крючок довелось и Траоре.

Двое вооруженных ружьями бандитов выскочили из двери, выводящей на подвесной мост. Бросились к внутренней лестнице, лишь в самый последний момент заметив черные тени, притаившиеся в дальнем углу холла. Винтовки безов тихо застрекотали, по бетону запрыгали гильзы. Оба «увальня» повалились кулями. По количеству угодивших в тело пуль они могли соревноваться с куропатками, угодившими под залп охотничьей дробы.

Поочередно сменив магазины «сарбаканов», безы продолжили движение.

– Фазиль? А ты веришь, что этот дохляк мог найти лекарство от «синдиновой чумки»?

Они прочесали еще два помещения, где жители коммуны готовили еду. Вдоль стены – держась вместе и сохраняя физический контакт, – засемили к выходу на подвесной мост.

Первая кровь раззадорила напарника Траоре, заставляя говорить с придыханием:

– Чего бы и нет? Слышал про Сорок Два? Говорят, дерьмо человечиска был... А Троицу открыл, причем случайно, просекаешь?

– Думаешь, ибн Хугель такой же?

– А кто его знает, бро? Вообще-то его десять лет назад из итальянского отделения «Фармы» выгнали, почитай в досье...

Посменно напарники перебежали мост. Вошли в башню, обозначенную «центральной». И тут же угодили в засаду, устроенную парнями Стального Рольфа.

Бандитов, как сообщила Доминику «балалайка», оказалось пятеро. Прикрывал всех здоровенный мужчина с огромным листом железа, к которому на манер тактического полицейского щита приварили рукоятки. Наблюдая за легавыми через узкую горизонтальную прорезь, он проворно смещался из стороны в сторону, когда это было удобно стрелкам. А те – двое с «дрелями», один с допотопным ружьем и еще один с «дыроделом», причем откровенно самопальным, – патроны экономить не собирались.

Едва двойка безов переступила порог, втягиваясь в помещение химической лабы, «увальни» тут же открыли огонь, прячась за перевернутыми столами, колоннами и самоделкой щитоносца.

Фазиль юркнул влево, присаживаясь за бетонный столб.

А вот Доминика ружейная пуля нашла, ужалив в левое предплечье. Брони не пробила, но удар был такой, что Траоре крутануло вокруг собственной оси, и он упал, не успев выстрелить в ответ. Быстро, насколько позволяла немеющая рука, отполз за соседнюю колонну, поднял винтовку.

– Граната, – предупредил Джабир, опуская забрало.

Особенно не целясь, швырнул баллончик по дуге. Кто-то закричал, а через миг рвануло, обрушив с потолка сотню сонных ручейков пыли. Помещение затопил свет. Ударная волна прокатилась от стены к стене, корежа барабанные перепонки. Светофильтры шлемов сработали, обезопасив зрение стражей порядка; специальные накладки подшлемника снизили уровень шума.

– Пошли! – скомандовал Доминик, непослушной рукой подхватывая цевье.

Вынырнули из укрытий, стреляя по заранее распределенным через «балалайки» целям. Били отнюдь не шокерными, не того масштаба потеха началась. Траоре метил в бойницу в верхней половине металлического щита. Джабир – по стрелкам с «дрелями». Скосил обоих.

Затем из-за переносного укрытия заревели, будто за листом жести прятался медведь. Туша бандита грохнулась на пол с такой силой, что с потолка снова посыпалось. Загремел уроненный щит.

Поднимаясь с колена, Доминик добил оставшихся противников, яростно трущих глаза и вертящих башками, словно новорожденные крысята. Подскочив к баррикаде, Фазиль в упор расстрелял щитоносца, и не подумавшего умирать даже после ранения в голову.

– Ваших матерей нужно было в детстве стерилизовать! – Он снова вскинул забрало, хоть это и запрещалось уставом. Смачно плюнул на трупы. – Гниль человеческая...

Доминик, на выходку напарника не отреагировав, сориентировался по карте.

Отчеты от юго-восточной и северной групп сообщали, что среди безов есть двое раненых. По трехмерным картам двигались маячки коллег Траоре, вычищавших улей еще с двух направлений. Бесновался, подгоняя «ленивых овцетрахов», Ледоруб. Сержант Куру забрел в тупик, специально устроенный жителями «Приюта», чтобы оградить комплекс от проникновений из подземки.

Над районом надрывались громкоговорители дирижабля. Прожекторы ощупывали открытые пространства. Где дотягивались, очаги сопротивления подавлялись тяжелыми пулеметами.

Миновав точку, в которой пятеро «увальней» пытались защитить нарколабу, Траоре и Джабир поднялись на несколько этажей. Подстрелили еще двоих бандитов, так и не сообразивших, что происходит снаружи.

Встреченных на пути безоружных обитателей трущоб Фазиль тряс, как пес – резиновую игрушку-пищалку. Безжалостно, с нескрываемой злобой, легко выбивая необходимую информацию и получив еще одно подтверждение, что искомый ими объект находится в «лепрозории».

А затем они узнали, что имелось в виду под этим страшным названием...

Стальной Рольф, собравший в стенах личного квартала не один десяток ломщиков-наркоманов, отличился щедростью шейха. На апартаменты, в которых разместились торчки, страдающие от синдиновой ломки, был выделен целый этаж. Просторный, поделенный на комнаты, коридоры и холлы, превращенные в вонючее общежитие.

Вдоль стен валялись матрасы, между которыми громоздились пластиковые коробки и ящики. Среди них белели медицинские койки с прочными эластичными путами. Возле каждого лежбища виднелись ведро под блевотину, большая бутылка с водой и разнообразный личный хлам, принадлежавший «пациенту». И почти на каждом из спальных мест – Фазиль выругался, а Доминик вздрогнул – лежал коротко остриженный человек.

Мужчины и женщины, молодые и старые – их было очень много, глупцов, познавших глубину Цифры, где течение холоднее льда и водятся тонкоусые, лупоглазые и безжалостные к человеку рыбыны.

Напарники прошли мимо юноши, едва отпраздновавшего совершеннолетие в год Инцидента. Мимо девушки с телом модели и лицом старухи. Безвольные, сонные, стремительно умирающие каждую секунду, обитатели лепрозория провожали двух безов безразличными взглядами.

Конечно, они слышали пальбу. Слышали голос с небес, предписывающий сдаться. Слышали топот, ругань бандитов Рольфа, звуки баррикадирования наиболее ценных отсеков жилого блока. Однако казалось, что происходящее не интересует больных тритонов – большинство из них смотрело в окна с видом скучающих стариков. Кто-то и вовсе продолжал спать, ворочаясь, пуская слюни и вскрикивая от кошмаров, в которых уже никогда не мог подключиться к сети...

Ни свечей, ни химических фонарей тритоны не зажигали, отчего лепрозорий был погружен в серый полумрак. Рассекая его, безы двинулись через комнаты, всматриваясь в лица.

– Видела его?!

Фазиль очутился возле худосочной девчушки с жестоко расцарапанными руками и затылком. Показал фото. Потянулся ухватить субнормалку за шею и как следует встряхнуть, но побрезговал.

Та всмотрелась в портрет. С губ сорвались несвязные звуки, в глазах не отразилось ни проблеска понимания. Кашлянув, она забрызгала ботинки Джабира каплями крови, отчего тот пришел в ярость и едва не врезал тритонше прикладом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.